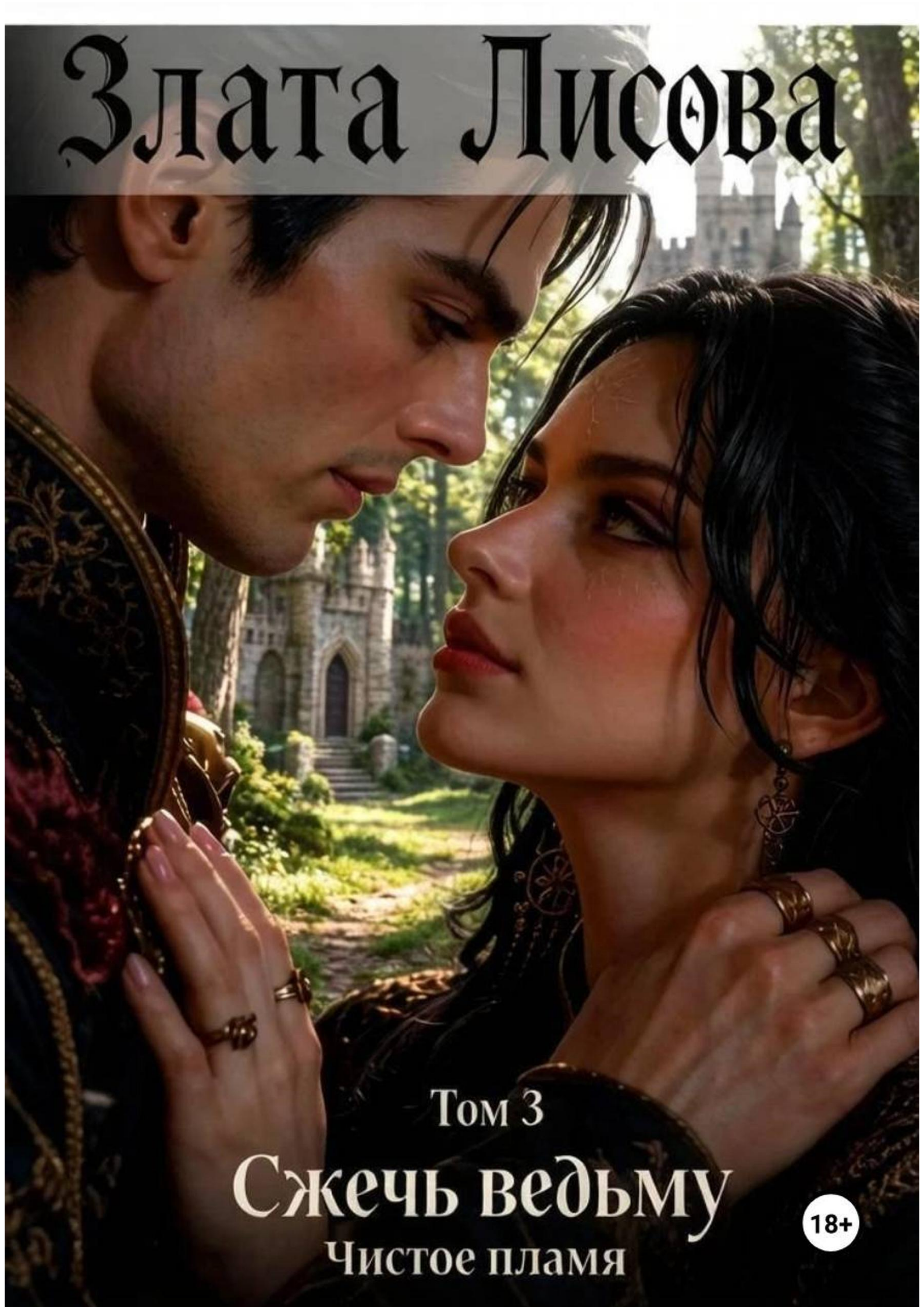


Злата Лисова

A romantic close-up of a man and a woman in medieval-style clothing. The man is on the left, looking down at the woman on the right. They are both wearing ornate, dark clothing with gold embroidery. The woman has dark hair and is wearing multiple gold rings. In the background, a stone castle with multiple towers is visible through a forest.

Том 3

Сжечь ведьму

Чистое пламя

18+

Злата Лисова

Сжечь ведьму Том 3 Чистое пламя

«Автор»

2026

Лисова З.

Сжечь ведьму Том 3 Чистое пламя / З. Лисова — «Автор», 2026

Они выиграли битву, но война только начинается. Год спустя после падения Железного паладина Вира и Лука правят Промоком. Магия больше не преступление, костры погасли, и кажется, что мир наконец-то обрёл равновесие. Но покой вновь нарушен. В лесах пропадают магические существа. Юная целительница, старая пророчица, лесные духи — их собирают, словно коллекцию. Вира находит пещеру со странными знаками, грудami костей и металлическим запахом, которого она никогда раньше не чувствовала. Все улики ведут к Чернобогу. Теперь им придётся столкнуться с самым опасным из всех зол напрямую. Справятся ли? И чем придётся заплатить?

Содержание

Часть I. Пламя Нави	5
Пролог. Цена покоя	6
Глава I. Императорские будни	8
Глава II. Утро императрицы	19
Глава III. Кладовая смерти	25
Глава IV. Тени прошлого	32
Глава V. Пир перед бурей	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Злата Лисова
Сжечь ведьму Том 3 Чистое пламя

Часть I. Пламя Нави

Пролог. Цена покоя

Вира сидела на широком подоконнике императорского дворца, подобрав под себя ноги, и всматривалась в ночное небо. Звёзды мигали, переливались разными цветами: одни гасли, другие впервые зажигали свой свет на тёмно-синем покрывале. Где-то там, за звёздами, за гранью миров, осталась Навь. Остались битвы, грозившие отобрать самое дорогое — жизнь, и не только её... Здесь же, в Промоке, царила тишина. Слишком тихо для той, кто привыкла существовать на лезвии ножа. Возможно, с ней что-то не так, но чем спокойнее становилось вокруг, тем тревожнее сжималось внутри. Может, это всего лишь привычка... Ведь идиллия — не её участь, не была и никогда не станет. Она с детства привыкла борьбе, сражениям, потерям...

Она не заметила, как мысли утянули в прошлое. Оно нахлынуло волной — тёплой, горькой, неумолимой, стирающей грань реальности и не дающей вырваться.

Память услужливо подкинула тот первый день, когда она увидела Луку. Серое, хмурое утро, снег вперемешку с грязью — и он. Вороной конь, синий плащ инквизитора, ледяные глаза — в них не читалось ничего, кроме холода и долга. Тогда она ненавидела его. Боялась. Презирала за то, кем был. За руки, обогранные кровью её сестёр. За взгляд сверху вниз, как на диковинного зверя, которого стоило либо изучить, либо пристрелить.

А он спас ей жизнь. Ворвался в окно старой избушки, вдребезги разбив стекло, вырвал из лап тёмной ведьмы. Потом смотрел на неё так, словно сам не понимал своего поступка. Будто внутри дала трещину та ледяная броня, за которой он прятался всю жизнь. Как в каменном сердце такого холодного человека могло зародиться такое тёплое и одновременно колющее чувство — любовь?

Она вспомнила его руки: как сжимали её в объятиях после победы над паладином. Как дрожали. Как шептали её имя — будто никого больше не существовало, будто она оставалась единственной нитью, удерживающей его в этом мире.

— О чём задумалась?

Голос Луки вынырнул из тишины, и Вира вздрогнула, возвращаясь в реальность. Он стоял в дверях, лениво опершись плечом о косяк, и смотрел на неё с той улыбкой, до сих пор заставляющей слабеть её ноги. В одной руке он держал два кубка с вином, в другой — плед, явно стащенный из спальни.

— О нас, — ответила она, не отводя взгляда. — О том, сколько мы пережили. Иногда кажется, что это была не я. Не мы. Какая-то чужая жизнь.

— Это была наша жизнь, — он шагнул вперёд, укутал её пледом, осторожно убрал прядь волос с лица и сунул ей в ладони кубок. — И она привела нас сюда.

Он опустился рядом на подоконник, плотно прижавшись плечом к её плечу. От него пахло деревом, бумагой и чем-то неуловимо родным — запахом, что она узнала из тысячи.

— Помнишь, как мы впервые попали в Промок? — тихо спросила она.

— Ещё бы, — фыркнул он. — Ты смотрела на город так, будто он тебя лично оскорбил. А когда увидела императорский дворец, выдала: «И в этом каменном коробе мы будем жить?»

— А ты ответил: «Лучше, чем клетка на корабле», — улыбнулась она.

— И был прав.

Она фыркнула и пихнула его локтем в бок.

— Ты всегда прав. Бесит.

— Не всегда, — возразил он, и голос его стал тише. — Я ошибся, когда решил, что смогу жить без тебя.

Она замолчала, уставившись на звёзды. Внизу, в городе, россыпью горели огни. Промок дышал миром. Империя, которая когда-то травила таких, как она, теперь ждала их свадьбы.

— Я люблю тебя, — выдохнула она в тишину.

— Знаю, — он поцеловал её в висок. — Я тоже.

Амарок, дремавший у камина, приоткрыл один глаз, вздохнул — и снова зажмурился. Эти двое и через год вели себя как влюблённые подростки.

Глава I. Императорские будни

Императорский дворец Промока пробуждался неторопливо, точно огромный зверь, лениво приоткрывающий веки. С первыми лучами солнца в коридорах уже начиналось привычное шуршание — слуги, подобно бесшумным теням, принимались за уборку, натирая полы, перила и дворцовую утварь до зеркального блеска. Их движения, отточенные веками, напоминали танец в особом ритме. Но стоило скрипнуть двери императорской опочивальни или покоев вельмож, как они мгновенно испарялись, оставляя после себя лишь едва слышный шелест одежд или взмах веника.

Вира спустилась в малую трапезную, когда солнце лишь начинало касаться золотом соборных шпилей. За окнами вовсю заливались птицы, а из кухни доносился дурманивший аромат свежей выпечки — повара трудились здесь задолго до рассвета. Вопреки внушительным размерам, зал встретил её светом и уютом. Утреннее солнце струилось сквозь стрельчатые окна, выходящие в сад, и переливалось на белокаменных стенах, на длинном дубовом столе и серебряной посуде, расставленной с ювелирной точностью. Пол, сложенный из тёплого камня, грели трубы с горячим воздухом от печей, и Вира каждый раз с наслаждением отмечала это инженерное чудо: вместо привычного холода её встречала благодатная теплота, и колени больше не била утренняя дрожь.

— Доброе утро, Ваше Величество, — приветствовала её пожилая служанка, приседая в поклоне.

— Доброе, Милана, — Вира улыбнулась ей. — Лука уже вставал?

— Император с рассветом в кабинете, — доложила женщина. — Варфоломей пришёл с бумагами.

Вира выдохнула, пытаясь выпустить вместе с воздухом и раздражение. Её жених был одержим работой — черта, бесспорно, достойная восхищения, но порой доводившая её до скрежета зубами. Ей отчаянно не хватало его прикосновений, тепла его рук, той простой близости, что была у них в Бретенске, в их маленьком доме, где не было ни слуг, ни свитков с докладами, ни этого гнёта чужих ожиданий. Возможно, это эгоистично, но временами она жалела, что когда-то поддержала Луку в его решении занять трон. А что, если бы она тогда отказалась ехать с ним? Остался бы он ради неё? Или уехал бы один, с глухой болью в груди? Но бросить его в этом одиночестве она не могла — это было бы предательством. Да и обоим им невыносимо было бы молчаливо нести тот груз, что до сих пор не давал им покоя. Прошло уже много времени с того дня, когда Лука узнал правду: его настоящий отец — император Константин, тот самый, кто едва не стёр мир с лица земли. Лука, казалось, смирился. Но Вира знала это слишком хорошо: такая рана не заживает никогда. И они оба будут нести её до конца, так и не сумев принять.

— Ладно, — она плеснула себе чаю из пузатого заварника, даже не глядя на него. — Значит, завтракаю в гордом одиночестве.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — пискнула служанка, вся пунцовая от смущения, переминаясь с ноги на ногу. — Там... из Бретенска гонец. Ждёт в приёмной. Говорит, срочно.

Вира вскинула бровь, отрываясь от чашки:

— Гонец? От князя?

— От него, Ваше Величество.

— Зови, конечно! Чего стоишь?

Служанка вылетела пулей, а через минуту в дверях появился парень — весь в дорожной пыли, но улыбающийся до ушей. Поклонился лихо, протянул свиток с сургучной печатью.

— От князя Захара и княгини Ульяны, — отрапортовал он, сияя. — С наилучшими и с важными вестями.

Вира хрустнула печатью, пробежала глазами строчки. И улыбнулась так, что служанки переглянулись за её спиной.

— Ну и что там? — раздался голос у самого уха.

Она вздрогнула. Лука стоял за спиной, заглядывая в письмо через её плечо. Бесшумно, как кот.

— Захар и Ульяна поженились! — Вира крутанулась к нему, сияя. — Ты чего? Я думала, ты в кабинете.

— Вообще-то я занят, — он наклонился и поцеловал её в щёку, пахнущую утром и выпечкой. — Но я соскучился.

— За месяц? — усмехнулась она и в глазах блеснули смешинки. Тот плюхнулся на соседний стул и пододвинулся ближе. Вира вдохнула знакомый запах кожи, выдохнула и продолжила, перечитывая письмо:

— Месяц назад. Тихо, без гостей. А Ульяна... — она запнулась, перечитала строку и охнула. — Беременна. Третий месяц.

Лука присвистнул:

— Ничего себе. Быстро они разогнались.

— Они давно вместе, — хмыкнула Вира, закатывая глаза. — Просто официально всё не решались. Захару, знаешь, надо было сначала две прошлые свадьбы пережить. — Она хитро стрельнула в него глазами, ожидая реакции.

Император поморщился, ровно так, как она и хотела. Первая жена князя когда-то была его невестой. Тема скользкая.

— Кхм, — протянул Лука. — А теперь, значит, решились.

— Ага, — Вира беззаботно дёрнула плечом, делая вид, что не заметила его кислую мину.

Но дочитала письмо — и внезапно замерла. Улыбка сползла. В глазах мелькнула радость, удивление... и что-то острое, колющее. Маленькая, но острая игла зависти ткнула под рёбра. Она даже скривилась, сама того не заметив.

— Ты чего? — Лука нахмурился, вглядываясь в её лицо.

— Ничего, — прозвучало слишком бодро, звонко. Она схватила кружку. — Я просто... рада за них. Очень.

Он накрыл её ладонь своей, заставил поднять глаза:

— Вира.

Она выдохнула, шумно и сдаваясь. Отставила чашку.

— У неё будет ребёнок, Лука. Сын или дочка, — голос дрогнул. — Она станет матерью. А я... — она глотнула. — Я даже не могу представить себя в этой роли.

— Почему?

— Потому что я воин, — усмехнулась горько. — Моя мать умерла, когда я была соплём. Она не успела показать мне, как это, любить по-настоящему, как это, быть мамой. А теперь я ещё будущая императрица. Кому нужна такая мать?

Он молчал. Просто смотрел на неё — и слушал не слова, а то, что за ними. А потом притянул к себе, уткнул носом в макушку.

— У нас всё будет: дом, дети, счастье. Но не всё сразу. Мы должны быть готовы. Ты в первую очередь.

— Ты прав, — пробубнила она куда-то в его рубашку.

— Знаю.

Она подняла голову, сверкнула глазами:

— Такой самоуверенный?

— Я император, — пожал плечами с королевским спокойствием.

— А императоры разве завтракают впятером с женой, которая вчера огрела их подушкой? Приподнял бровь с ледяным величием. Вира надула щёки, глядя на него снизу вверх. Стала похожа на рассерженного хомяка.

Лука не выдержал — расхохотался так, что служанка за дверью поперхнулась воздухом. Вира фыркнула, а потом тоже рассмеялась, звонко, выпуская воздух со свистом. Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь.

* * *

Прошлым летом Промок встретил их суетой. Город, который когда-то был столицей страха, теперь превращался в столицу надежды. Узкие улочки старого города, вымощённые тёмным камнем, расходились лучами от центральной площади, где высился собор Святой Марии — огромный, готический, с витражами, которые в солнечный день превращали площадь в разноцветный калейдоскоп.

Дворцовый комплекс занимал целых три холма в восточной части города. Белокаменные стены, сложенные ещё первыми императорами, были такими толстыми, что в них прорезали окна с глубокими нишами — в них любили сидеть слуги, греясь на солнце. Крыши дворца покрывала черепица цвета тёмной охры, и она красиво контрастировала с белым камнем и синевой неба.

Что больше всего нравилось Вирине — водоснабжение. Оно во дворце было продумано до мелочей — система акведуков, построенная ещё при Константине, подавала воду из горных источников прямо в резервуары на чердаках, а оттуда по свинцовым трубам она расходилась по кухням, баням и даже в специальные комнаты с большими чашами — нечто среднее между ванной и бассейном. Вира поначалу боялась, что свинец отравит их, но местные мастера уверили её: вода течёт быстро, не застаивается, а трубы внутри выложены воском и смолой.

Система отопления была ещё хитрее. Под полами всех основных помещений проходили керамические трубы, по которым циркулировал горячий воздух из огромных печей в подвалах. Печи топились дровами и углём, и специальные слуги следили за тем, чтобы жар распределялся равномерно. Зимой во дворце было тепло, даже когда за окнами выла вьюга. Там же и нагревали воду для императорской ванны. Она мечтала лично увидеть, как работает механизм, но никак не получалось.

Вира обожала гулять по коридорам замка, разглядывая гобелены, картины, статуи, что собирали прежние императоры. В одном из залов висел портрет Константина — Лука приказал убрать его в кладовку, но Вира иногда ходила туда, смотрела в его пустые глаза и думала о том, какую цену заплатили все за его безумие. Какую цену заплатил его сын... Но сегодня ей было не до прогулок — после завтрака её ждали портнихи. Как её это раздражало. Они как осиный рой крутились возле неё по несколько часов в день, и свадьба — даже такая долгожданная и любимая — была сущим наказанием для той, кто привык к простым льняным платьям и сапогам, а не к корсетам и кринолинам. Она со скрежетом носила шёлковые наряды, подаренные Захаром, но там не было высоких воротников и многочисленных кружев, раздражающих кожу и то и дело вызывающих желание почесать её в тех местах, где колючая ткань натирает сильнее всего.

— Ваше Величество, умоляю, постойте спокойно! — причитала главная портниха, дама внушительных размеров с сантиметром на шее. — Вы дёргаетесь, как воробей на морозе! Я же иголку уколою!

— Я стою спокойно, — сквозь зубы цедила Вира, вцепившись руками в спинку стула так, что костяшки побелели. — Просто вы уже третий час меня тычете этими булавками! У меня спина затекла!

— Ах, Ваше Величество, ну потерпите ещё чуть-чуть! — взмолилась портниха. — Осталось всего ничего!

Вокруг суетились ещё три девушки — одна прикалывала булавки к подолу, вторая держала шлейф, чтобы тот не касался пола, третья ползала на коленях, подшивая кружева. Платье было невероятным — белый шёлк, расшитый серебряными нитями и жемчугом, с длинными рукавами и шлейфом в три локтя, стоячий воротник. Вира чувствовала себя в нём невестой из сказки. И заложницей собственной свадьбы.

— Ох, какая красота! — мурлыкала главная портниха, отступая на шаг и прищуриваясь. — О, как же оно сидит! Вы будете прекрасны, Ваше Величество! Все гости ахнут!

— Я уже прекрасна, — буркнула Вира, дёргая плечом, чтобы поправить сползающую бретельку. — Можно я просто выйду замуж в нормальном платье? Без всего этого? Ну, в том, зелёном, с карманами?

— Ни в коем случае! — ужаснулись все четыре женщины хором, и их голоса слились в такой испуганный вопль, что Вира поморщилась.

— Да шучу я, шучу, — проворчала она, но глаза её горели тоской.

— Ваше Величество, если вы будете так шутить, у меня сердце остановится, — приложила руку к груди портниха. — Я женщина в возрасте!

— Так я тоже не юная девчонка! — огрызнулась Вира, но в голосе уже проскальзывали смешинки. — Мне уже двадцать шесть! Я воевала, я голодала, я выживала в лесах, а теперь вы меня в этот корсет затягиваете, как колбасу в оболочку!

— Так ведь для красоты, Ваше Величество! — зашебетала младшая портниха. — Императрица должна сиять!

— Я и так сияю, — фыркнула Вира. — Солнцем, лесом, магией. А не жемчугом и серебром.

Портнихи переглянулись, но спорить с будущей императрицей не решились. Они лишь вздохнули и продолжили своё дело с ещё большим усердием.

Вира закатила глаза, глядя в потолок. Как же ей хотелось сбежать в лес, куда-нибудь к озеру, находящееся в пятнадцати минутах от замка, если идти на закате. Туда, где никого нет, где можно скинуть эти дурацкие туфли, замочить ноги в прохладной воде и просто дышать.

— Ещё чуть-чуть, Ваше Величество, — пропела портниха, словно прочитав её мысли. — Уже почти готово.

— Вы это говорите уже второй час, — простонала Вира.

— Зато результат! — женщина всплеснула руками. — Вы увидите!

А пока примерка, смех, суeta и подготовка к самому счастливому дню в их жизни.

После примерки Вира сбежала от портних под предлогом головной боли и необходимости свежего воздуха. На самом деле ей просто нужно было побыть одной, подумать, прийти в себя после всех этих кружев, булавок и причитаний.

Она вышла во внутренний двор, где кипела своя, невидимая из парадных залов жизнь. Здесь, в тени высоких стен, располагались хозяйственные постройки: кухни, прачечная, бани, кладовые. И именно здесь можно было увидеть ту самую сложную систему, что делала жизнь во дворце не просто сносной, а по-настоящему комфортной.

Вира завернула за угол и наткнулась на Прасковью — старшую прачку, грузную женщину с красными от горячей воды руками и вечной улыбкой на лице. Прасковья тащила огромную корзину с бельём, ловко балансируя ею на бедре.

— Ох, Ваше Величество! — всплеснула она руками, едва не уронив корзину. — Простите, не заметили! Чуть вас не сбила!

— Давай помогу, — Вира шагнула к ней, протягивая руки.

— Что вы, что вы! — Прасковья замахала свободной рукой. — Негоже императрице с бельём возиться! У нас для этого руки есть. Мы сами справимся!

— У меня тоже руки есть, — улыбнулась Вира, — И я, между прочим, тоже стирала. Когда в своей избушке жила. Помню, как в проруби полоскала. До сих пор пальцы мерзнут, как вспомню.

— Ну, там одно, а здесь... — Прасковья замялась, не зная, как отказать будущей императрице.

— Давай, не стесняйся, — Вира уже взялась за край корзины. — Вдвоём быстрее.

Прасковья вздохнула и, улыбнувшись, отдала корзину. Вдвоём они понесли её к прачечной — длинному каменному строению с высокими окнами, из которых валил пар.

— Тяжёлая, — крикнула Вира, перехватывая корзину поудобнее.

— Там простыни императорские, — пояснила Прасковья. — Шёлковые, тяжёлые. Их вручную полоскать надо, чтоб не помялись.

— Да уж, — хмыкнула Вира. — В моей избушке таких не было. Простыни — льняные, грубые, зато тёплые.

— Привыкнете, Ваше Величество, — успокоила её прачка. — Шёлк — нежный, тело любит.

— Моё тело любит, когда его никто не трогает корсетами, — буркнула Вира.

Прасковья рассмеялась — гулко, от души.

— Эх, Ваше Величество! Вы хоть и будущая императрица, а душа у вас простая. Я это сразу поняла, как вас увидела. Не чванитесь, не гордитесь. Это хорошо.

— Спасибо, Прасковья, — искренне сказала Вира, чувствуя, как на душе теплеет.

Внутри прачечной было жарко и влажно, как в бане. Вдоль стен тянулись длинные каменные чаны, в которых кипела вода. Над ними, на специальных крюках, висели мешки с травами и мыльным корнем. В углу громоздились горы уже постиранного белья — простыни, скатерти, полотенца, всё белоснежное, пахнущее свежестью.

— Красота, — выдохнула Вира, оглядываясь.

— Это вы про наше хозяйство? — удивилась Прасковья. — Да тут парилка, а не красота. Жарко, душно, руки по локоть красные от кипятка.

— Я про воду, — пояснила Вира. — Горячая. Прямо из стены течёт. Даже колодец не нужен.

— А, это, — прачка махнула рукой. — Это всё Аристархово колдовство. Не колдовство, конечно, а выдумка. Он у нас за тепло отвечает.

— Кто?

— Аристарх, мастер печных дел. Пойдёмте, покажу, коли интересно.

— Конечно, интересно! — Вира загорелась любопытством: эта страсть к хитрым механизмам вспыхивала в ней мгновенно, стоило лишь зайти о подобном разговоре.

Они вышли из прачечной и прошли вдоль стены к небольшой пристройке, откуда доносился ровный гул. Внутри было темно и жарко — настоящая преисподняя, если верить церковникам. Вдоль стен выстроились три огромные печи, сложенные из огнеупорного кирпича. В топках ревело пламя, а над печами возвышались массивные медные резервуары, от которых во все стороны тянулись трубы.

— Это наши водогреи, — с гордостью сказал подошедший мужчина. Сухой, жилистый, с прокопчённым лицом и руками в мозолях. Поклонился низко. — Аристарх, к вашим услугам, Ваше Величество.

— Рассказывай, — велела Вира, заворожённо глядя на это хозяйство. — Я хочу всё понять.

Аристарх просиял. Он явно любил свою работу и готов был говорить о ней часами — и для него нашёлся наконец благодарный слушатель.

— Система простая, — начал он, жестикулируя. — В печах жжём дрова и уголь. Греем резервуары. Вода нагревается, идёт по трубам: в кухню, в ванны императора и гостей, в пра-

чечную. В бани отдельно — там свои печи, чтоб пар был сухой или влажный, как захочется. Обратно вода стекает в отстойники, потом её чистят и снова греют. Экономно. Понимаете?

— То есть вода не просто нагревается и сливается? — переспросила Вира, пытаясь уложить в голове схему. — Она возвращается?

— Именно так, Ваше Величество! — Аристарх даже прищёлкнул пальцами от радости, что его поняли. — Мы её очищаем через песок и уголь, потом снова в резервуары. Так что зря вода не уходит. Константин Великий это придумал. Гениальный был человек. Правда, безумный. Но гениальный.

— Умный, — кивнула Вира, пропуская мимо ушей упоминание о Константине. — А кто за всем следит?

— У меня команда, — Аристарх кивнул на двух парней, которые подкидывали дрова в топку. — Днём и ночью. В три смены работаем. Чтоб ни одна труба не остыла. Если труба остынет — вода замёрзнет зимой, трубы лопнут. Тогда всё, пиши пропало.

— А если лопнут?

— Мы чиним, — просто ответил мастер. — У нас запасные. Кованые, железные. Свинцовые только в покоях императора — они мягче, удобнее. Но если лопнут — беда.

— Бывало?

— Бывало, — вздохнул Аристарх. — Прошлой зимой в северном крыле прорвало. Две недели без тепла сидели. Но мы справились.

Вира смотрела на это чудо инженерной мысли и думала о том, как мало она ещё знает о мире, которым теперь правит её мужчина. В её лесах всё было проще — нарубил дров, натаскал воды из колодца, истопил баньку по-чёрному. А здесь — целая наука. Трубы, резервуары, фильтры, печи. Люди, которые работают днём и ночью, чтобы во дворце было тепло, и вода лилась из кранов.

— Спасибо, Аристарх, — искренне сказала она. — Ты делаешь великое дело. Я и не знала, что здесь так всё сложно устроено.

Старик расплылся в улыбке, обнажив щербатые зубы.

— Для вас стараемся, Ваше Величество. Для вас и для народа. Мы не зря хлеб едим.

— Я запомню, — кивнула Вира. — Если что понадобится — приходи.

— Благодарствую, Ваше Величество.

Вира вышла из пристройки, вдохнула прохладного воздуха. В голове прояснилось, мысли улеглись. Наверное, именно так и должна чувствовать себя правительница — когда знает, как устроен её дом, как живут её люди, кто за что отвечает. Когда может заглянуть в самое сердце замка и увидеть, что там не тьма и грязь, а работа, усердие и гордость.

Она улыбнулась, глядя на небо, и направилась обратно во дворец.

Со спокойными мыслями, довольная тем, что узнала чуть больше о своём новом доме, она прошла по коридорам, стараясь не встречаться с портнихами, и, не заходя в свои покои, направилась в западное крыло, где располагался императорский кабинет.

Она бывала здесь редко — Лука предпочитал работать один, а Вира не лезла в государственные дела, считая их скучными и далёкими от неё. Но сейчас ей очень сильно захотелось его увидеть. Она скучала по нему, по ласке, по взгляду. В этом огромном замке она чувствовала себя одинокой, и только Амарок скрашивал её досуг.

Коридор перед кабинетом был пуст, но из-за тяжёлых дубовых дверей доносились голоса. Вира прислушалась: Лука говорил с кем-то спокойно, размеренно, но в голосе чувствовалась усталость. Совещание. Конечно, у него совещание.

Она хотела уже развернуться и уйти, но дверь неожиданно приоткрылась, и оттуда выглянул Варфоломей.

— Ваше Величество! — удивился он, но глаза его хитро блеснули, словно он знал, что она здесь появится. — Вы к императору?

— Да, но я вижу, он занят... — Вира попятилась, чувствуя себя неловко.

— Да бросьте, — старик махнул рукой. — Скоро заканчиваем. — И, не спрашивая разрешения, распахнул дверь шире. — Проходите, проходите, он будет рад.

— Варфоломей, я не хочу мешать...

— Ваше Величество, вы никогда не мешаете, — заверил её старик. — Даже когда просто стоите в дверях и смущаетесь.

Вира вздохнула, поняв, что спорить бесполезно, и шагнула внутрь.

В кабинете было светло. Высокие стрельчатые окна выходили на запад, и вечернее солнце заливало комнату золотом. Стены были обиты тёмным деревом, полки с книгами тянулись до самого потолка, на длинном столе были разложены карты, свитки, чернильницы. Десяток человек в строгих одеждах стояли вокруг стола и уставились на неё с нескрываемым любопытством.

Лука поднял голову от бумаг и, увидев её, улыбнулся той самой тёплой улыбкой, которую она любила больше всего на свете.

— Вира! — он мгновенно поднялся из-за стола, отодвигая стул. — Что-то случилось?

— Нет-нет, — замахала она руками, чувствуя, как щёки заливает краска. — Я просто... Я позже зайду. Ты работай. Не буду мешать.

— Стой, — он сделал шаг к ней, и советники почтительно расступились. — Уже заканчиваем, правда. — Он обвёл взглядом присутствующих. — Господа, позвольте представить — моя невеста, будущая императрица Вириная. Думаю, ей будет полезно послушать, чем мы тут занимаемся.

Советники закивали, кто-то одобрительно загудел. Вира поняла, что отступать поздно.

— Присаживайся, — Лука придвинул ей стул — тяжёлый, с высокой спинкой, на которой был вырезан герб Промока — гордый грифон в императорской короне. — Тебе будет интересно.

— Ой, сомневаюсь... — пробормотала она себе под нос, но села, сложив руки на коленях, как примерная ученица.

Лука усмехнулся, услышав её бормотание, но промолчал. Он вернулся на своё место и кивнул советникам:

— Продолжайте.

Те заговорили о налогах. О том, какие пошлины установить для купцов из-за моря, какие — для местных. О том, что хлеб в северных провинциях подорожал, а рыба, наоборот, подешевела. О том, что пора договариваться с Ярнустом о поставках соли в обмен на свинец.

Вира слушала и чувствовала, как глаза начинают слипаться. Цифры, проценты, грузы, контракты. Зачем ей это? Она ведь даже в лавку за покупками не ходила.

— ...Предлагаю увеличить пошлину на импортное сукно до десяти процентов, — вещал какой-то толстый советник с блестящей лысиной.

— Это убьёт торговлю, — возразил другой, худой и длинный, похожий на журавля. — Купцы уйдут в Золотые земли.

— А мне плевать, где они уйдут! — вспыхнул лысый. — Наши мануфактуры должны развиваться! Мы не можем конкурировать с дешёвым сукном, которое везут с юга!

— Конкурировать надо качеством, а не пошлинами!

— Господа, — вмешался Лука спокойно, но твёрдо. — Мы здесь не для того, чтобы орать друг на друга. Предложения есть?

И снова цифры. Проценты. Квоты.

Вира поймала себя на мысли, что мечтает оказаться сейчас где угодно — в лесу, в своём саду, даже на кухне у Прасковьи, — только не здесь. Но уйти не могла. Лука сидел рядом, серьёзный, сосредоточенный, и она видела, как он устал. Как эти люди высасывают из него силы. Как тени залегли под глазами, как напряжены плечи.

Ради него она осталась.

Через час совещание наконец закончилось. Советники раскланялись и потянулись к выходу, напоследок одаривая Виру любопытными взглядами. Варфоломей задержался на пороге, хитро подмигнул ей и бесшумно закрыл дверь.

— Ну как тебе? — спросил Лука, откидываясь на спинку кресла и растирая шею. Шея хрустнула, и он поморщился.

— Увлекательно, — соврала Вира, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Особенно про пошрины. И про сукно. Очень... Захватывающе.

Он рассмеялся — устало, но искренне. Смех его был низким, хрипловатым, и от него у Виры всегда тепло внутри.

— Врёшь.

— Вру, — призналась она, не выдержав его взгляда. — Это было ужасно скучно. Как ты это выносишь? Сидеть тут часами, слушать их крики?

— Привык, — он пожал плечами. — У меня нет другого выбора. Если я не буду этим заниматься, всё развалится. Буквально. Как карточный домик.

— Тяжёлый у тебя долг.

— Зато вечером я буду ужинать с самой красивой женщиной в империи, — он взял её за руку, притянул её ладонь к губам и поцеловал тонкие пальцы. — Это того стоит.

Она улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается по груди. Ладонь его была тёплой, чуть шершавой, и от неё исходила такая уверенность, что Вире на миг показалось — они могут всё. Любые налоги, любые враги, любые испытания.

— Пойдём есть? — спросила она. — Я голодная как волк.

— Как Амарок? — уточнил Лука, поднимаясь и поправляя манжеты.

— Хуже. Я сегодня две примерки выдержала. Это отнимает больше энергии, чем битва с драконом.

— Я помню, как ты сражалась с тем драконом в Медвежьем лесу, — усмехнулся Лука, подавая ей руку. — Если честно, я тогда больше боялся за портних, чем за тебя.

— Напрасно! — фыркнула Вира, принимая его ладонь. — Портнихи страшнее любого дракона. Одних их булавок и угроз достаточно, чтобы обратить в бегство кого угодно.

Они вышли из кабинета, и тут Вира вдруг вспомнила:

— Я сегодня познакомилась с Аристархом. Слушай, какие тут интересные технологии! Ты видел эту систему отопления?

Лука усмехнулся, с нежностью поглядывая на неё:

— В первую неделю меня заставили обойти всё, даже подземелье. Император, знаешь ли, должен знать, где какой вентиль и сколько дров уходит на топку.

При этих словах Вира встрепенулась, и глаза её загорелись живым интересом:

— Здесь есть подземелье? Как у Захара в замке? — она подалась вперёд, и голос её зазвенел от нетерпения.

— Ещё лучше, — он загадочно улыбнулся, видя, как загорелись её глаза. — Там можно полгода жить.

— Полгода? — Вира удивилась искренне, как ребёнок. — Правда? Я хочу посмотреть! Там что, комнаты есть? И вода? А еда?

— И вода, и еда, и даже библиотека, — он взял её под руку, и они пошли по коридору. — Константин, знаешь ли, любил секреты и тайные ходы. У него везде были подземные убежища. Вдруг заговор? Вдруг война? Надо было спастись с минимальным комфортом.

— Константин — параноик, — фыркнула Вира. — Но параноик с хорошим вкусом.

— Не без этого, — Лука вздохнул, и в голосе промелькнула грусть. — Ладно, вечером я покажу тебе подземелье.

— Сегодня?

— Если хочешь.

— Хочу!

— А сейчас — еда. Ты права, сил нет.

Малая столовая, где они обычно ужинали вдвоём, располагалась в самом конце длинной анфилады комнат, подальше от парадных залов и официальных приёмов. Лука выбрал её потому, что здесь было уютно — насколько вообще может быть уютно в императорском дворце.

Комната оказалась неожиданно небольшой, с низким сводчатым потолком, расписанным синими и золотыми узорами, напоминавшими звёздное небо. Стены закрывали тёмные деревянные панели, на которых висели гобелены с изображениями охотничьих сцен — старые, выцветшие, но от этого ещё более уютные. В углу тикали напольные часы в высоком футляре из красного дерева — единственные во всём дворце, потому что Вира сказала, что ей нравится их слушать.

Посередине стоял стол — дубовый, массивный, накрытый белоснежной скатертью. На нём уже дымились супницы, блюда с мясом, овощами, свежий хлеб в плетёной корзине. Серебряные приборы поблёскивали в свете свечей, расставленных в тяжёлых кованых подсвечниках на три рожка.

Большой мраморный камин весело потрескивал, отбрасывая золотистые блики на стены и мебель. Перед ним лежала огромная шкура бурого медведя, и Вира частенько заставляла Амарока дремлющим на ней, хотя у волка была своя лежанка в углу.

Сегодня Амарок тоже был здесь. Он лежал на шкуре, положив морду на лапы, и одним глазом следил за тем, как слуги расставляют еду. И ждал, когда принесут его миску с сырым мясом. Да, фетчам тоже нужна подпитка, но так как он особенный, способный материализовываться, ему и подпитка нужна соответствующая.

— Ужин подан, Ваше Величество, — поклонился дворецкий, пожилой мужчина с седыми бакенбардами и безупречной выправкой.

— Спасибо, Степан, — кивнул Лука. — Можете быть свободны. Мы сами.

Слуги бесшумно исчезли, оставив их вдвоём. Только Амарок остался, фыркнув в знак того, что он, в отличие от людей, никуда не уходит.

Вира набросилась на еду с таким аппетитом, что Лука только усмехался, глядя на неё. Сама она не замечала, как жадно поглощает жаркое, как макает хлеб в подливу, как довольнo жмурится от каждого куска.

— Что? — спросила она с набитым ртом, заметив его взгляд.

— Ничего, — он улыбнулся, подперев щеку рукой. — Просто радуюсь.

— Чему?

— Тому, что ты здесь. Что мы вместе. Что ужинаем, как нормальные люди. И-и-и... — Он сделал паузу, дразня её.

— Что «и»? — спросила она, откусывая крупный кусок хлеба.

— Твоему аппетиту. — Глаза его блеснули, а губы дрогнули в улыбке.

Вира закашлялась от неожиданности, подавившись хлебом. Проглотила, стукнула кулаком по столу, и швырнула в него коркой хлеба, которая полетела в него и ударила в лоб.

— В кого это я, по-твоему? — возмутилась она. — В свинью?

— В оленя, — невозмутимо ответил он, поймав корку на лету. — Прямо как в первый раз, когда я угощал тебя в Бретенске. Помнишь?

Она фыркнула, но в глазах уже плясали смешинки.

— Дурак.

— Зато вкусно, — он ухмыльнулся, и она не выдержала — рассмеялась.

— Мы не нормальные, — напомнила она, прожевав. — Ты — император, я — ведьма. В лесу выросла. Я, между прочим, ела руками, когда охотилась. Это сейчас у меня вилки-ложки.

— Значит, как ненормальные, — согласился он. — Меня всё устраивает. — Он отпил гранатового вина из кубка и откинулся на спинку стула.

Она улыбнулась в ответ, и тепло разлилось по груди — такое знакомое и такое желанное. Пальцы сами потянулись к его руке, и он сжал их в ответ.

— Кстати, о нормальных, — Вира отставила тарелку. — Захар и Ульяна скоро приезжают. Ты не забыл?

— Помню, — кивнул Лука, и в голосе его проскользнула тёплая нота.

— И что думаешь?

— Думаю, что соскучился, — честно признался он, глядя в стену, где на гобелене был выткан охотник с соколом. В его ледяных глазах пролетали картинки первого прибытия в княжество: первый взгляд с Вирой, первый учащённый пульс, первая ревность и дикий страх потерять её. — По Захару, по Ладомиру, по этой их суете. По Бретенску даже, представь себе. Там было проще.

— Проще? — удивилась Вира. — Ты же спасал мир.

— Это как раз было просто, — усмехнулся он. — Там был враг, и я знал, что делать. А тут... Налоги, пошлины, советники... Это сложнее.

— Да уж, — вздохнула она, прекрасно его понимая.

Он вспомнил, как она несколько раз умирала на его руках, и как Захар благородно дал ей свободу. И как он, Лука, тогда чуть не сошёл с ума от страха её потерять.

— Я тоже, — вздохнула Вира, словно читая его мысли. — Интересно, Ладомир Злату привезёт?

— Должен, — уверенно кивнул Лука. — Она без него никуда не поедет. К тому же Ульяна в прошлом письме писала, что девочка только и мечтает, что повидать «тётю Виру».

— Тётя Вира, — тихо усмехнулась она, покачав головой. — Звучит так странно. Словно я уже старая и почтенная дама.

— Ты будешь самой красивой тётей в мире, — ответил он, и в голосе его вдруг промелькнула такая тёплая нежность, что у Виры на миг перехватило дыхание. — И матерью, если захочешь. Когда будешь готова.

Она замерла, чувствуя, как к горлу подступает тугой горячий ком.

— Лука...

— Я ничего не требую, — мягко сказал он, глядя ей в глаза. Его взгляд был тёплым и спокойным, без тени давления. — Просто знай: я буду рядом. Всегда. И если ты не захочешь — я не стану настаивать. Мы — команда. Помнишь?

Она сжала его пальцы так крепко, что он едва не поморщился. Сказать ничего не могла — только смотрела в его глаза, такие родные, такие тёплые, такие её. Он, как никто, знал её от макушки до пяток, её настроения, желания, страхи и её боль.

Амарок, наблюдавший эту сцену, вздохнул и отвернулся к камину. Волчий нос, что как будто засопел сильнее, выражал недовольство этим пафосом. Но лучше бы он был где-нибудь с духами, обсуждая территориальные проблемы существ, которым сложно ужиться в одной экосистеме. Подальше от этой милейшей сцены. Это не злило, не раздражало. Он просто чувствовал себя в такие моменты лишним.

— Я люблю тебя, — наконец выговорила Вира, и голос её дрогнул.

— Я знаю, — ответил он, поднимаясь из-за стола. — Иди сюда.

Она встала, и он крепко обнял её, уткнувшись носом в угольные волосы. Она прижалась к нему, чувствуя, как бьётся его сердце — ровно, сильно, в такт с её собственным.

— Пойдём в покои, — шепнул он ей на ухо. Голос его стал ниже, более хриплым, и по телу Виры пробежала дрожь.

Она подняла голову, встретила его взгляд. В глазах его плескалось желание, от которого у неё заныло внутри. Там, в глубине, был огонь, который зажигался только для неё.

— Пойдём, — ответила она, и голос её сорвался на шёпот.

Он поцеловал её. Нежно, но требовательно, и мир вокруг перестал существовать. Амарок деликатно отвернулся к стене, спрятав морду в лапы. Он знал, что сейчас последует, и предпочитал не смотреть.

Они вышли из столовой, не разжимая рук, и ночь приняла их в свои страстные объятия.

Глава II. Утро императрицы

Вира проснулась от того, что солнце нагло целовало её в закрытые веки. Сначала один глаз приоткрылся, потом второй, и она с удивлением поняла, что не помнит, когда в последний раз спала так сладко.

Она не привыкла просыпаться медленно — обычно вскакивала по тревоге, хватаясь за атам и вслушиваясь в шорохи за стеной. Лесная жизнь, войны, постоянная готовность к бою — всё это вьелось в кровь, превратив её в пружину, сжимающуюся от любого шороха. Но здесь, в императорском дворце Промока, даже утро было другим. Оно не набрасывалось и не пугало — оно робко вползало в спальню, даже ласково, будто просило разрешения остаться. Так и недолго можно растерять всю осторожность и позволить закалённому телу нежиться в объятиях мягкого одеяла до обеда. Но нет, она же ведьма, а не изнеженная аристократка.

Вира приоткрыла один глаз. Комната купалась в золотистом свете: утреннее солнце лилось сквозь высокие стрельчатые окна, разбиваясь на тысячи бликов в хрустальных подвесках люстры.

Спальня императрицы — она всё ещё не привыкла к этому слову — была огромной. Настолько, что в первые дни Вира боялась в ней заблудиться. Высокие сводчатые потолки терялись где-то в вышине, расписанные фресками, изображавшими каких-то неизвестных ей святых и героев. Стены, обитые тканью цвета слоновой кости, отражали свет, делая комнату похожей на внутренность жемчужины. Пол устлали ковры, толстые и пушистые, что ноги утопали в них по щиколотку.

Кровать, где она лежала, могла бы вместить, если не целую деревню, то ещё трёх человек точно. Резное дерево, инкрустированное перламутром, балдахин из тяжёлого шёлка, горы подушек — и посреди всего этого великолепия она, ведьма-простушка, чувствующая себя самозванкой.

Рядом было пусто. Лука встал рано — она даже не слышала, как он ушёл. Сказалась императорская привычка, выработанная за долгие годы жизни во дворце: подниматься с рассветом, чтобы успеть переделать все дела до того, как начнутся бесконечные приёмы и советы. Вира вздохнула и провела ладонью по его подушке — та ещё хранила тепло его тела и его запах, тот самый, отчего у неё всякий раз сладко замирало сердце.

— Вечно ты сбегаешь, — пробормотала она в пустоту. — Хоть бы раз проснулся позже меня.

Подушка молчала, и Вира усмехнулась собственному глупому бормотанию. Лука улыбнулся бы на это и сказал: «Я император, мне нельзя валяться до обеда», и поцеловал бы её в макушку.

Она потянулась, хрустнув суставами, и села на кровати. Тело слушалось — годы тренировок давали о себе знать, мышцы сохранили упругость и силу, а движения оставались точными и лёгкими. Но внутри, где-то под рёбрами, всё ещё жила та странная лёгкость, и Вира никак не могла от неё избавиться. Слишком хорошо, слишком спокойно, словно всё происходящее — всего лишь сон, долгий и тёплый, который никак не хотел заканчиваться.

Она встала и подошла к высокому оконному проёму.

Из него открывался вид на весь город. Белокаменные особняки, черепичные крыши, сверкающие на утреннем солнце, шпили соборов, уходящие в небо, и узкие улочки, что вились меж ними, словно причудливые змеи. Где-то внизу уже началось привычное движение — громыхали телеги с товаром, сновали люди, спешащие по утренним делам, торговки раскладывали на лотках свежую снедь и перекликались звонкими голосами. Город жил своей полной жизнью, размеренной и суетливой одновременно, и эта жизнь больше не пугала Виру, как в первые недели.

— Красиво, правда? — раздалось за спиной.

Вира обернулась. В дверях стояла девушка — молоденькая служанка с русыми косами и веснушчатым носом. Звали её Марья, и она была приставлена к императрице для мелких поручений. Девушка прятала улыбку, но глаза её сияли.

— Красиво, — согласилась Вира. — Воду принесла?

— Конечно, Ваше Величество! — Марья прошла в комнату, неся поднос с кувшином и тазом, откуда поднимался пар. — И завтрак скоро подадут. Повара спрашивают, что изволите?

— То же, что и всегда, — улыбнулась Вира. — Кашу, хлеб, травяной чай. Без изысков.

Марья всплеснула руками, чуть не уронив кувшин, и возмущённо выдохнула:

— Ваше Величество, ну нельзя же так! Вы императрица! Вам полагается... Омлет с трюфелями, икра, сыры из Золотых земель, фрукты засахаренные! Повара стараются, они же лучшие в империи!

— Марья, — перебила Вира мягко, но твёрдо, — я выросла на каше и травах. И прекрасно себя чувствую. Не усложняй. Иначе я сама пойду на кухню и буду варить себе кашу, как в старые времена.

— Ваше Величество! — ужаснулась служанка, прижимая руки к груди. — Да что вы! Негоже!

— Тогда не спорь, — улыбнулась Вира.

Девушка вздохнула, но спорить не посмела. Поставила поднос, помогла Вире умыться — тёплая вода лилась из кувшина, пахла лавандой и ещё чем-то неуловимо свежим, может быть, мятой или ромашкой. Вира любила этот момент — когда вода касалась лица, прогоняя остатки сна. Можно было и сразу умыться из краника, но тогда не было бы этой прекрасной отдушки из цветов, что добавляли слуги. Хоть где-то стоило себя побаловать.

— Ох, — затараторила Марья, пока Вира вытиралась льняным полотенцем, — Аристарх просил передать! Система работает исправно, горячая вода есть везде, давление хорошее, трубы не текут. Он гордится! И предлагает опробовать его новое изобретение — такое металлическое отполированное корыто, ванну, в которую можно набирать горячую воду, а не холодную, и лежать, а не стоять, как в бочке. То, что он доделывал все эти месяцы.

— Передай ему, что я тоже горжусь, — отозвалась Вира, улыбнувшись. Ей льстило, что Аристарх ставит её в известность о том, как идут работы, сразу после знакомства. Вероятно, её и правда любят в замке. — Без него мы бы мылись в ледяной воде, как в старые времена. А изобретение с удовольствием опробую. — Она усмехнулась, вспоминая свою избушку. Корыто, вёдра, замёрзшие пальцы зимой... Как далеко это было. И как близко. — Скажи ему: если он сможет сделать так, чтобы вода сама из крана шла, я объявлю его главным мастером империи.

— Ой, Ваше Величество! — Марья даже подпрыгнула. — Аристарх будет счастлив! Он уже месяц бредит идеей: надо, говорит, давление сделать, чтобы сами трубы воду гнали. Я не понимаю, но он так ярко рассказывает, что даже я слушаю с открытым ртом.

Вира накинула простой льняной сарафан, заказанный специально у местных мастериц, — управилась с ним за считанные мгновения.

«Императрица, а ходит как крестьянка», — ворчали придворные. Но Вире было плевать. Она не собиралась задыхаться в корсетах ради чужого одобрения.

— Ваше Величество, — осторожно сказала Марья, глядя, как императрица заплетает волосы, — придворные дамы опять жаловались на ваш наряд. Они говорят, что императрица должна выглядеть величественно, а не как... Как...

— Как крестьянка? — закончила Вира, не оборачиваясь.

— Ну... В общем, да, — прошептала служанка. — Простите!

— Марья, — сказала Вира, перевязывая толстую косу кожаным шнурком, — если они хотят наряжаться в шёлк и кружева — пусть наряжаются. Я же не запрещаю. А я буду ходить,

как хочу. И скажи им, что, когда они в этих корсетах будут падать в обморок от жары, я их не буду спасать.

Марья приснула, прикрыв рот ладошкой.

— Я им передам, Ваше Величество.

Вира взглянула в зеркало: на неё смотрела молодая женщина со смольными волосами и разноцветными глазами — один тёмно-карий, почти чёрный, другой светло-зелёный, как весенняя листва. В них больше не было той дикой настороженности, что отличала её в первые дни в Промоке. Только спокойствие, и... ожидание.

— Ваше Величество, — Марья несмело кашлянула, теребя край передника, — а правда, что из Бретенска гости едут?

— Правда, — улыбнулась Вира, и сердце её потеплело. — Князь Захар, его жена Ульяна и приближённые.

— Ой, как хорошо! — всплеснула руками девушка. — А княгиня Ульяна правда лесная ведьма?

— Правда, — Вира подмигнула ей. — Но не бойся, она добрая. Такие, как она, людей не обижают. Да и злых ведьм почти не осталось, все обрели душевный покой.

Она с гордостью вспомнила тот день, когда Лука отдал приказ остановить преследование магии, дать свободу заключённым ведьмам и научиться сосуществовать в мире. Тогда весь Промок аплодировал, люди кричали от радости и свистели, кто-то рыдал. Только священники оставались безразличны — в их глазах не было ни злости, ни грусти, ни радости. словно всё шло своим чередом или спорить с новой властью они были не в силах.

— А она... она красивая? — спросила Марья с таким замиранием в голосе, будто спрашивала о королеве фей.

— Очень, — ответила Вира. — Красивее меня, это точно. И, говорят, ждёт ребёнка.

Марья ахнула и прижала руки к груди.

— Ой, какое счастье! Младенец! А мальчик или девочка?

— Пока не знают, — Вира улыбнулась, но в груди кольнуло. Та самая зависть — крошечная, но настоящая, как заноза под кожей. Как гадко ощущать её. Она отогнала её прочь, глубоко вздохнула и повторила себе как мантру: «Нельзя завидовать единственной и близкой подруге. Нужно научиться радоваться за неё. И ты сможешь. Ведь это твой выбор — не беременеть и не рожать. Ты сама приняла такое решение».

— Ладно, пойду пройдуся, — сказала она, отгоняя мрачные мысли. — До завтрака ещё есть время.

— А император? — спохватилась Марья. — Он же велел, чтобы вы позавтракали вместе!

— Император, наверняка, занят, — отрезала Вира, уже направляясь к двери. — А я хочу посмотреть, как живёт мой город. Не бойся, я не потеряюсь. Я, между прочим, в лесу на ощупь находила дорогу в метель.

Она выскользнула в коридор, оставив служанку с открытым ртом. Бедняжка не успела даже возразить или что-то предпринять. Марья глубоко вздохнула, и улыбка растянулась на её лице: ох уж эта императрица! словно ребёнок, непослушная и своенравная, даже диковатая. Но она ей нравилась, даже очень, в отличие от жены императора Константина...

От воспоминаний об этой женщине по спине пробежали мурашки. Властная и чрезмерно строгая. Девушка посмотрела на рукав платья правой руки — под ним красовался огромный шрам, что полтора года назад подарила ей принцесса Синокии, императрица Елизавета, в тот день, когда Марья нечаянно пролила на неё чай. Во время переворота принцессу не стали убивать, чтобы не развязать войну с её королевством, а просто выслали на родину.

Девушка помотала головой, прогоняя страшные воспоминания. Теперь всё иначе, к счастью. Елизаветы нет, есть Вирина — внимательная и учтивая. И она сама, Марья, не побоялась попросить у неё прощения за ту бестактность, что так разгневала бывшую императрицу.

Марья быстро заправила императорскую постель, взбила подушки, взяла кувшин и отправилась выполнять ежедневные задачи, напевая что-то весёлое.

* * *

Виринея скользила по коридорам дворца, живущим своей жизнью. Она любила здесь гулять — не по парадным залам с их позолотой и хрусталём, а по внутренним, хозяйственным переходам, где стены были просто каменными, а полы — тёмными, но тёплыми благодаря всё той же системе отопления. Здесь пахло деревом, воском и ещё чем-то неуловимо домашним, даже немного родным, напоминающим Бретенск.

Она спустилась на первый этаж и вышла во внутренний двор. Здесь уже кипела работа: слуги таскали корзины, повара ругались с поставщиками, конюхи чистили лошадей. Обычная, суетливая жизнь, в которой не было места церемониям.

— Эй, Фрол, куда прешь? — заорал кто-то из кухни. — Я тебе сказал, муку сюда, а не в кладовую!

— Так я и несу! — огрызнулся мужик с мешком на плече. — Не ори, Влас, я глухим не был!

Вира улыбнулась. Всё, как в её родной деревне, только масштабы побольше.

Она прошла мимо кухни — оттуда доносились такие запахи, что желудок жалобно заурчал. Заглянула в приоткрытую дверь: огромное помещение, где десяток поваров колдовали над горшками и сковородами, где ревело пламя в печах, где пар поднимался до самого потолка. Главный повар, грузный мужчина с красными от жара щеками и роскошными усами, заметил её и замахал руками:

— Ваше Величество! Не положено! Тут жарко, грязно, вдруг угорите!

— Я ведьма, — напомнила Вира, заглядывая в кастрюлю, где булькало что-то невероятно ароматное. — От жара не угораю. И от грязи тоже.

— Всё равно не положено! — запричитал повар, загораживая собой плиту. — Вы же императрица!

— Влас, — укоризненно произнесла Вира, — я в твоей кухне уже в третий раз. Всё, что можно испортить, уже испорчено. Давай, скажи, что ты варишь?

— Ну... — повар смутился, покраснел ещё больше и понизил голос. — Солянку с рыбой, Ваше Величество. По старому рецепту. Тайному.

— Поделишься?

— Ни за что! — всплеснул он руками. — Это семейный секрет! Мой дед, мой отец...

— Ладно, ладно, — засмеялась Вира, поднимая руки в примирительном жесте. — Не буду тебя мучить.

— Вот, — повар вздохнул с облегчением. — Император ждёт вас. Велел передать, что он сегодня не такой злой, как обычно. Даже улыбнулся, когда про вас вспоминал.

— Передай ему, что я его тоже люблю, — подмигнула Вира и пошла дальше, оставив повара в смущении.

У входа в прачечную она встретила Прасковью. Та как раз вытряхивала огромную скатерть, и от неё летели клубы пара.

— Ваше Величество! — расплылась в улыбке прачка, отставляя скатерть. — Опять гуляете?

— Опять, — кивнула Вира. — Как вода?

— Горячая, чистая, спасибо Аристарху, — Прасковья кивнула в сторону котельной. — Без него бы пропали. А вы заходите, если что, всегда рады. У меня тут новое мыло, пахнет так, что голова кружится!

— Какое?

— Лавандовое, с мёдом, — похвасталась прачка. — Сама делаю. Для господских простыней. Хотите попробовать?

— Обязательно, — пообещала Вира, и они расстались.

Она обогнула здание и вышла к небольшим воротам, что вели в город. Стража у ворот вытянулась по струнке.

— Ваше Величество! — удивился старший, молодой парень с рыжеватой бородкой. — Вы одна? Без охраны?

— А что мне сделается? — усмехнулась Вира, поправляя косу. — Это теперь мой город. Имею право гулять.

— Но... — замялся стражник. — Император велел, чтобы...

— Чтобы я была в безопасности, — перебила она. — А в городе я в безопасности. Все меня знают. Или ты думаешь, кто-то рискнёт поднять руку на невесту императора?

— Ну... вообще-то нет, — стражник почесал затылок, всё ещё сомневаясь. — Но вдруг?

— Тогда я покричу, и ты прибежишь, — подмигнула Вира. — Ладно?

Стражники переглянулись, но спорить не посмели. Ворота открылись, и Вира шагнула на улицы Промока.

Город встретил её шумом, запахами и цветом.

Узкие мостовые были вымощены тёмным камнем — базальтом, который привозили из северных карьеров. Камень был шершавым, не скользким даже после дождя, и Вира одобряла этот выбор. Вдоль улиц тянулись дома в три-четыре этажа — белые, жёлтые, розоватые, с черепичными крышами и ставнями, расписанными яркими узорами. На первых этажах теснились лавки: булочные, мясные, овощные, скобяные. Торговцы зазывали покупателей, расхваливая товар.

— Эй, красивая! — окликнул её торговец овощами. — Возьми яблочко, сладкое!

— А бесплатно? — усмехнулась Вира.

— Для такой красавицы — всё бесплатно! — засмеялся он, протягивая ей румяное яблоко.

Вира взяла, надкусила — сок побежал по подбородку. Торговец довольно хмыкнул.

— Вы, я смотрю, та самая невеста императорская? — спросил он, прищурившись. — Которая ведьма?

— Она самая, — кивнула Вира с набитым ртом.

— А нас не съедите? — пошутил торговец.

— Не сегодня, — серьёзно ответила она. — Сегодня я добрая.

Мужик захохотал, и к нему присоединились другие торговцы. Кто-то засвистел, кто-то захлопал.

— Хорошая императрица будет! — крикнул кто-то из толпы. — Не то что прошлая!

Вира смутилась, махнула рукой и пошла дальше.

Она остановилась у булочной, купила тёплый крендель, посыпанный солью. Жевала на ходу, чувствуя себя почти счастливой. Год назад она боялась даже выходить на эти улицы — вдруг узнают ведьму, вдруг набросятся. А теперь — спокойно гуляла, ела уличную еду, ловила улыбки прохожих.

— Ваше Величество! — окликнул её кто-то.

Вира обернулась. К ней спешила пожилая женщина в тёмном платке, морщинистая, сгорбленная, но с удивительно живыми глазами — ясными, голубыми, как у молодой девушки. Она тяжело дышала, будто бежала, и сжимала в руках узелок с травами.

— А? — Вира остановилась, пряча недоеденный крендель в карман.

— Ваше Величество, — женщина подошла ближе, присела в неловком поклоне. — Я Агафья, ведунья из пригорода. У меня... У меня беда, и мне не к кому больше обратиться.

Вира насторожилась. Всё так хорошо начиналось.

— Говори, — сказала она, вглядываясь в лицо старухи.

— Ученица моя пропала, — выпалила старуха, и голос её дрогнул. — Дарья, шестнадцать лет. Третьи сутки ищу — нет нигде. В лес пошла за травой и сгинула. А я, Ваше Величество, чувствую, каждой клеточкой чувствую — не сама сгинула. Там... там что-то было. Странное для наших мест.

— Что именно? — Вира опустила крендель и шагнула ближе.

— Запах, — старуха понизила голос, озираясь по сторонам. — Станный, какой-то металлический, не свойственный для наших лесов. И следы... Будто волокли кого-то, а потом, хоп — и обрываются. Прямо на пустом месте.

Вира помрачнела. Если следы идут и обрываются, значит, кто-то открыл портал или переход. Но кому нужно красть юную ведьму, особенно сейчас? Магию больше не преследуют, инквизиции нет, ведьмы живут свободно. Если только...

— Она была сильной? — спросила Вира. — Дарья?

— Сильной, Ваше Величество, — кивнула Агафья, вытирая глаза уголком платка. — Дар очень сильный, но сырой. Она же ещё ребёнок, не умеет защищаться. А кто-то... Кто-то почувствовал её, понял, что она — лакомый кусок.

— Для чего? — нахмурилась Вира, и в голосе её послышалось недоверие. — Магия сейчас вне закона, её не продают, не покупают. Кому она вообще нужна, тем более в таком количестве?

Старуха помедлила, теребя край ветхого платка. Казалось, она боялась произнести это вслух, словно сами слова могли притянуть беду.

— Говорят, — прошептала она, оглядываясь по сторонам, — что на восточных болотах объявился новый колдун. Сильный, очень сильный. И он собирает молодых ведьм, одну за другой, чтобы... чтобы выкачивать из них силу. Как мёд из сот, до последней капли.

Вира похолодела, по спине пробежал противный холодок.

— Откуда ты знаешь?

— Слухи, — горько усмехнулась Агафья. — Ведьмы болтают. Одна приезжая баба сказала. Две её сестрёнки пропали по дороге из южных земель. Младшая была такой же, как моя Дарья — талантливая, но необученная.

— Пойдём, — сказала Вира, не раздумывая. — Покажешь мне это место.

— Так вы поможете? — глаза старухи наполнились слезами, и руки её задрожали. —, Ваше Величество, вы правда поможете?

Вира подошла и взяла её за руку.

— Я — ведьма, — просто ответила она, глядя в глаза Агафье. — Моя задача — защищать сестёр.

Глава III. Кладовая смерти

Перед тем как отправиться на поиски девочки, нужно было взять кое-что из ведьмовского арсенала и переодеться в более удобную одежду. Всякое могло произойти — Вира знала это лучше, чем кто-либо. Она быстро вернулась в замок, поднялась в покои и на секунду замерла у окна своей спальни. За стеклом тучи затягивали горизонт — серые, тяжёлые, словно свинцовые плиты. Небо мрачнело, и на душе становилось так же тоскливо.

Вчерашняя эйфория от встречи с Лукой, от их близости, от тёплого вечера и вкусного кренделя, что хрустел на зубах и таял во рту — всё это ушло бесследно, растворилось, словно утренний туман под солнцем. Слишком долго Вира жила по законам войны и борьбы, чтобы не чувствовать: что-то не так. Воздух стал другим, даже утренний свет казался слишком резким, слишком холодным для летнего дня. Что-то чужое, незваное, бродило по её земле, и внутренний голос, тот, что когда-то спасал ей жизнь, настойчиво твердил: будь настороже.

Хотя, возможно, это просто усталость. Усталость от той тягучей тишины, что преследовала её целый год. Может быть, она просто разучилась верить в спокойствие, разучилась принимать его как должное, и теперь ей всё казалось лишь затишьем перед бурей.

— Хватит ныть, — сказала она себе вслух. — Соберись, тряпка.

Вира быстро открыла высокий массивный шкаф — дверь тяжело заскрипела, но поддавалась без проблем. Пару минут — и она стояла одетая иначе: простой тёмный сарафан, удобные сапоги, на поясе атам, в кармане несколько защитных амулетов, в косу, как и раньше, вплетена полынь. Всё как в старые добрые времена. Только вот лес теперь был не её родным бретенским, а чужим, промокским.

«Амарок, — позвала она мысленно, затягивая шнурок на сапоге. — Ты со мной?»

Волк отозвался не сразу — видимо, досматривал сны у камина. В голове раздался его сонный, ворчливый голос:

«Иду. Куда?»

«В пригород. Девочка пропала».

«Девочка — это плохо, — философски заметил он. Вира почти физически ощутила, как он зевнул и потянулся. — Догоню, расскажешь подробнее. Только дай мне пару минут, я досмотрю этот прекрасный сон про оленя».

«Амарок!»

«Шучу. Уже выхожу».

Вира фыркнула, качая головой. Вот ведь нахал.

Агафья ждала её у городских ворот, кутаясь в поношенный плащ. Старуха была маленькой, сухонькой, с морщинистым лицом и глазами, которые, несмотря на возраст, смотрели остро, цепко, по-ведьмовски. В руках она сжимала узелок — видимо, с припасами на дорогу.

— Ваше Величество, — старуха поклонилась, но без подобострастия, по-свойски, как к равной себе. — Спасибо, что не бросаете нас в этой беде. Я уж думала, никто не поможет.

— Зови меня Вирой, — попросила та. — Здесь я не императрица. Агафья, напомни, как зовут ту девушку? Дарья, да? Расскажи мне про неё.

— Да, Дарьюшка, — голос старухи дрогнул, и она на секунду прикрыла глаза. — Шестнадцать лет всего. Хорошая девчушка, я её давно обучаю. Дар у неё сильный был — целительский. Травами лечила лучше меня, хоть и молодая ещё. Люди её любили. Всегда с улыбкой, всегда с лаской. Никого не обидела за всю свою жизнь.

— Какой дар? — переспросила Вира, начиная догадываться.

— Целительский, — повторила Агафья. — Редчайший. Такие на дороге не валяются. Она могла раны затягивать, болезни отводить, даже сломанные кости сращивать. И всё — одними травами да силой мысли.

— Ну, — протянула Вира, — неудивительно, что она кому-то понадобилась. Такие дары всегда в цене. Особенно у тех, кто не умеет исцелять сам.

— Пойдём, — Вира тронула её за плечо. — Покажешь, где следы.

Амарок материализовался из тени за их спинами, заставив Агафью вздрогнуть и перекреститься.

— Ох, господи! — выдохнула она, прижимая руку к груди. — Что это?

— Это мой фетч, — успокоила её Вира. — Не бойся, он безобидный.

— Безобидный волк? — старуха с сомнением покосилась на сиреневые глаза Амарока.

— У меня никогда не было духа-помощника. Не привыкла я к таким. У меня...

— Синица, — перебил Амарок, сверкнув глазами. — Была. Но она улетела. Потому что ты перестала её кормить.

Агафья побледнела.

— Откуда ты...

— Я всё знаю, — фыркнул волк. — Не кормишь духа — он уходит к тому, кто даст ему силу. Ты просто использовала её, а взамен ничего не давала. Так не бывает.

Старуха открыла было рот, чтобы возразить, но потом опустила голову и тихо сказала:

— Прости меня. Я была не права. Я... я не знала, что так нельзя. Никто меня не учил.

— Теперь знаешь, — отрезал Амарок. — Исправляйся.

Вира мягко тронула его за загривок:

— Хватит, Амарок. Не сейчас.

Волк фыркнул, но замолчал. Агафья вытерла глаза платком и, не говоря ни слова, зашагала вперёд — сухонькая, но удивительно быстрая для своих лет. Вира двинулась следом, чувствуя, как подошвы сапог мягко ступают по лесной подстилке.

Здесь было тихо. Слишком тихо.

Не той живой, наполненной шорохами и птичьими голосами тишиной, к которой Вира привыкла за годы скитаний по лесам, а глухой, давящей, будто всё живое затаилось или ушло навсегда. Даже ветер не шумел в кронах — ветки висели неподвижно, как нарисованные на старом, выцветшем гобелене. Солнце, ещё недавно пригревавшее спину, вдруг спряталось за плотной пеленой туч, и в лесу стало сумрачно, словно наступили ранние сумерки.

Вира остановилась, прислушиваясь к себе. Обычно лес говорил с ней — шелестом листьев, треском сучьев под лапами зверей, далёким криком птиц. Он был живым существом, дышащим в унисон с ней. Но сейчас лес молчал. Он затаился, сжался, будто боялся выдать своё присутствие. И это молчание было страшнее любого звука.

— Не нравится мне здесь, — прошептала Агафья, поёживаясь и кутаясь в плащ, хотя воздух был тёплым и душным. — Я тут каждый день хожу, грибы-ягоды собираю. А сегодня — будто не мой лес. Чужой какой-то. Всё замерло. Даже ветер не дышит.

— Не твой, — согласилась Вира, оглядываясь. — Здесь что-то не так. Лес испуган. Он прячется.

Она остановилась, прислушиваясь к себе. Кожа покрылась мурашками — тот самый знак, никогда её не обманывавший. Здесь было что-то опасное, что-то незримое, но осязаемое. Пахло злом — тяжёлым, липким, чужим, не похожим ни на запах гари, ни на сырость подземелий. Вира ощутила его почти физически: словно чья-то ледяная ладонь скользнула вдоль позвоночника, вызвав желание обернуться и проверить — не стоит ли кто за спиной, не дышит ли в затылок.

— Где следы? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Тут, — Агафья повела её к корням старого дуба. — Вот, смотрите.

Земля была взрыта, будто здесь боролись. Несколько глубоких борозд — словно кто-то волок тяжёлое тело. А дальше — обрыв. Следы просто исчезали, как будто девочка взлетела в воздух и растворилась.

Вира присела на корточки, провела пальцами по земле. Пальцы нащупали что-то странное — не просто грязь, а налёт, похожий на тонкую металлическую пыль. Она поднесла руку к носу, понюхала.

— Странно, — сказала она, хмурясь. — Впервые такое встречаю. Не трава, не зола, не глина. Железо? Нет, что-то другое.

— Может, тварь из Нави? — испуганно спросила Агафья, озираясь по сторонам. — Я слышала, они иногда выходят, когда границы истончаются.

— Нет, — покачала головой Вира, поднимаясь и отряхивая руки. — Нет, они пахнут иначе. Погостной гнилью, заросшим болотом или смертью. А это... Железо. И что-то ещё. Не пойму. Мерзкое до жути. Даже мурашки по коже.

Амарок обошёл поляну, пригнувшись. Его сиреневые глаза сузились, на морде появилось выражение крайней сосредоточенности.

— Она права, — подал он голос. — Тут было нечто... Другое. Ни люди, и уж точно ни твари. Что-то, чего я раньше тоже не встречал, хотя частично запах кажется мне знакомым. Словно я уже чувствовал его давно, в других мирах.

— В других мирах? — переспросила Вира, насторожившись. — Амарок, ты можешь точнее?

— Нет, — волк тряхнул головой. — Слишком слабый след. Но запах... Он чужой. Не наш. Извне.

— Извне, — повторила Вира, и слово это повисло в воздухе, как холодное облачко пара. — Значит, то, что здесь произошло, не имеет отношения к нашему миру.

— Видимо, — кивнул Амарок. — И это значит, что мы имеем дело с чем-то более серьёзным, чем простое похищение юной ведьмы.

Вира поднялась, отряхнула руки, и в глазах её зажглась решимость.

— Идём дальше. Должно быть ещё что-то.

Они двинулись вглубь леса. Агафья шла следом, цепко оглядываясь по сторонам, и каждый шорох заставлял её вздрагивать. Амарок нёсся впереди, то исчезая из виду, то возвращаясь, чтобы подать знак. Ходили долго — то кругами, возвращаясь к прежним местам, где недавно были, то шли по мху на север, то останавливались, и ведьма долго осматривала стволы деревьев. Что она искала, Агафья не понимала, но полностью доверяла невесте императора.

— Смотри, — вдруг сказала Вира, указывая на ствол старой сосны. — Вот. Видишь?

— Что? — Агафья прищурилась. — Ничего не вижу.

— Присмотрись. Кора надрезана. Свежий след. Кто-то прошёл здесь и пометил путь. Только вот для чего?

Амарок подошёл, обнюхал царапины.

— Не для того, чтобы найти дорогу обратно, — сказал он. — Чтобы кто-то другой не сбился.

— Метки? — нахмурилась Вира. — Значит, здесь ходили не раз. Или кто-то ждал, что за ним пойдут.

— Или, — добавил волк, — это ловушка.

— Ловушка для кого? — спросила Агафья, и голос её дрогнул.

— Для тех, кто полезет не в своё дело, — ответил Амарок мрачно.

Через полчаса Вира замерла, подняв руку.

— Тихо. Я чувствую... Вибрирует сильнее. Там, — указала она куда-то вперёд.

В сотне метров, среди густых зарослей орешника, чернел провал. Небольшая пещера, почти незаметная. Вход скрывали нависающие ветви и камни, поросшие мхом. Но изнутри тянуло странным запахом — тем самым, металлическим и серой.

— Ждите здесь, — приказала Вира, доставая атам. — Я первая.

— Вира... — начал Амарок, становясь рядом. Шерсть его встала дыбом, а глаза засветились сиреневым.

— Я сказала. — Голос её был твёрд, и фетч не стал спорить. Но он напрягся всем телом, готовый в любой момент броситься вперёд и защитить свою ведьму.

Она шагнула в темноту, и та сомкнулась за её спиной, будто живая пасть, проглотившая свет дня. Внутри пещера оказалась бездонным собором, чьи размеры невозможно было оценить с порога. Свод уходил в бесконечную вышину, растворяясь в липкой, непроглядной черноте, а стены, влажные и пульсирующие, были изъедены наростами слизи, которая тлела болезненным зеленоватым фосфором. От этого света исходил холод, проникающий под кожу.

Но не это заставило её сердце пропустить удар. Главное открылось взгляду позже, когда глаза привыкли к полумраку. Стены кричали знаками. Они были повсюду — вьёвшиеся в базальт, процарапанные с такой яростью, будто их вырезали ногтями в агонии. Некоторые Вира смутно узнавала: они походили на древние руны, но смысл ускользал, перевёрнутый и искажённый. Другие же были совершенно чуждыми — угловатые, как сколы льда, с неестественно острыми гранями, режущими взгляд и от этого пульса у Виры начинала болеть голова.

— Что это? — прошептала она, и голос её прозвучал глухо, будто его поглотили сами стены. Вира медленно протянула руку, кончиками пальцев коснувшись одного из символов — того, что пульсировал ярче остальных, притягивая взгляд с болезненной навязчивостью.

Руна обожгла её.

Не жаром — ледяным, сосущим холодом, который мгновенно пронзил нервные окончания и ударил прямо в запястье. Вира отдернула руку с тихим шипением, инстинктивно прижимая её к груди. На подушечке остался чёткий багровый след, будто знак отпечатался прямо в её плоти, и кожа вокруг него побелела, как при сильном обморожении. Боль пульсировала в такт с биением стены.

— Злая магия, — выдохнула она сквозь сжатые зубы, и собственный голос показался ей чужим. — Очень злая. Древняя. Голодная.

Она попыталась стереть след с пальца, но тот только расплылся, становясь мертво-синим. Вира заставила себя не паниковать и подняла взгляд.

В центре пещеры громоздились останки.

Она сделала шаг вперёд, и каждый шаг отдавался в пустоте глухим эхом. Вира вытянула ладонь, сосредоточилась, и в воздухе зажглась маленькая искра, разгорающаяся в ровный, тёплый огонёк — единственный очаг жизни в этом мёртвом месте. Свет метнулся по стенам, заметался по полу и выхватил из крошечной тьмы жуткую картину.

Груда костей, шкур и перьев занимала почти треть пещеры. Всё было свалено в хаотичном, диком беспорядке, но чем дольше Вира всматривалась, тем яснее понимала: в этом безумии есть система. Черепа лежали отдельно, кости конечностей были разложены по длине, словно их сортировали перед тем, как бросить. Перемешанные, истлевшие остатки плоти прилипли к камню, образуя под ногами липкую, чавкающую корку.

Она узнала лешего. Старого, могучего, с корявым, узловатым скелетом, даже при смерти сохранявший позу могучего стража: рёбра разломаны, позвоночник вывернут под неестественным углом, но корни, проросшие сквозь кости, всё ещё тянулись к земле, будто даже мёртвый дух пытался пустить их. Мох на останках был не зелёным, а пепельно-серым, мёртвым.

Рядом — несколько туш, что Вира сперва приняла за оборотней, но, приглядевшись, поняла: волчата. Совсем молодые, со смешными, ещё не оформившимися мордами, их шкуры были содраны с неестественной аккуратностью, а грудные клетки вскрыты так, будто кто-то искал там что-то ценное. И не нашёл.

Дальше взгляду открылось нечто совершенно неопознаваемое: длинные паучьи конечности с тройными сочленениями оканчивались неестественно длинными пальцами, а черепа размером с арбуз и с провалами глазниц занимали половину головы. Существа с непропорци-

онально большими головами застыли в неестественных позах, их шеи были переломаны. Вира содрогнулась: у одного челюсть застыла в беззвучном крике, а на зубах чернела засохшая слизь.

Их убивали не для еды. Вира поняла это с абсолютной, леденящей ясностью. Ни одна кость не была обглодана, ни один кусок плоти не тронут. Их собирали, как сумасшедший кол-лекционер складывает диговинки в свою копилку: леший — как символ старой силы, волчата — как невинность, эти странные создания с черепами-тыквами — как неведомый трофей. Пещера казалась не местом убийства, а чьей-то извращённой кладовой, где каждый экспонат имел значение, понятное лишь безумному хозяину.

Вира сглотнула подступившую к горлу тошноту.

— Кто ты? — прошептала она в пустоту, не надеясь получить ответ. — И зачем тебе это?

Знаки на стенах мигнули в ответ. Вира вздрогнула, отступив на шаг. Ей показалось, или в темноте мелькнула тень? Она быстро достала клочок бумаги, перерисовала углём несколько символов и, больше не медля ни секунды, выскочила из пещеры, жадно хватая ртом свежий воздух.

Амарок тут же оказался рядом, обеспокоенно заглядывая в глаза ведьме.

— Ты как? Бледная как смерть!

— Всё нормально, — выдохнула она, опираясь на его спину. — Просто... Там такое...

Тошнота подходила к горлу, голова кружилась. Вира была готова увидеть что угодно, но это оказалось слишком даже для неё. Энергия пещеры давила на все сосуды, и сейчас, когда кровь вновь спокойно побежала по артериям, она почувствовала слабость во всём теле.

— Что там? — спросила Агафья, подходя ближе. Голос её дрожал.

— Мёртвые, — выдохнула Вира. — Много. Леший, оборотни и кто-то ещё. И знаки... Я таких не знаю. Они пульсируют. Словно живые. И они меня обожгли.

— Обожгли? — переспросил Амарок, осматривая её руку.

— Потом, — отмахнулась она. — Уходим. Немедленно.

— Согласен, — рыкнул волк. — Это не наше дело. Пока не наше.

Вира поднялась, шатаясь, и опёрлась на Амарока. Она ещё раз взглянула на вход в пещеру — он зиял чёрной пастью, и оттуда всё ещё тянуло тем самым металлическим холодом.

— Что это было? — прошептала Вира, и голос её сорвался, осев хриплой, пересохшей нотой. Она всё ещё смотрела на свою руку — на багровый след, вьёвшийся в кожу, который не бледнел и не исчезал. — Что за место? Кто здесь живёт? Кто это создал?

Она обернулась, и в тусклом зелёном свете слизи её лицо казалось вылепленным из воска — слишком бледным, слишком застывшим. В глазах больше не было прежней уверенности, только тяжёлое, липкое замешательство.

Агафья стояла поодаль, почти у самого входа, вжавшись спиной в каменную стену. Она была бледна как смерть — ни кровинки на лице, даже губы побелели и слились с кожей. Руки её тряслись, пальцы судорожно комкали край платка, и она не сводила глаз с груды костей, которая темнела в центре зала, словно чудовищный алтарь.

— Дарьюшка? — спросила она дрожащим голосом. — Она там? Скажи, она там?

— Её там нет, — ответила Вира, встречаясь с ней взглядом. — Может, она видела то, чего не должна была увидеть. Может, она успела сбежать. Или... — она запнулась. — Или её забрали, — договорила она, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Забрали, чтобы использовать.

— Как использовать? — Агафья рванулась вперёд, ухватив Виру за рукав с такой силой, что ткань затрещала. Пальцы её были холодными как лёд, в глазах застыл ужас, смешанный с отчаянием. — Зачем? Кому понадобилась моя девочка? Она ведь ничего не сделала, она никому не мешала, она просто ходила за грибами, понимаешь? Она ушла утром, смеялась, сказала, что вернётся к обеду! — голос Агафьи сорвался на всхлип, но слёз не было — организм будто пересох, как выжатый ручник. — За что?

— Пока не знаю, — ответила Вира, мягко, но настойчиво высвобождая рукав и кладя ладонь поверх дрожащих пальцев Агафьи. — Но я узнаю. Я обещаю тебе. Я найду её, живую или... — она запнулась, проглотив последнее слово, — или правду о ней. Клянусь.

В этот момент где-то в глубине пещеры раздался низкий, гортанный рык. Амарок требовательно зарычал и взглядом показал: «Немедленно уходим». С таким никто ещё не сталкивался, оставаться было опасно — и Вира это понимала лучше всех.

— А у Дарьи была семья? — спросила она, когда они отошли подальше.

— Да, конечно. — Агафья вытерла слёзы. — Мать, Матрёна. Отец умер пять лет назад.

— Пойдём к ним. Пообщаться надо.

Агафья поняла, что хочет Вира, и без лишних вопросов повела её к семье пропавшей девочки. Тошнота со временем отступила, голова прояснилась, но в груди всё ещё сидел холодный ком. Куда делась молодая ведьма — единственный вопрос, который сейчас мелькал в голове: не постигла ли её та же участь, что и тех существ в пещере?

Дом стоял на отшибе, у самой опушки. Небольшая изба, крытая соломой, с покосившимся забором и огородом, где уже пробивались первые всходы. У крыльца сидела женщина лет сорока, с красными от слёз глазами, и машинально перебирала какую-то ветошь.

— Матрёна... — Агафья приблизилась и коснулась рукой её плеч. — Взгляни, я привела её. Императрицу. Нашу Веру. Той самой, чьё имя сейчас у всех на устах.

Женщина подняла голову, посмотрела на Виру мутным взглядом, и вдруг рухнула на колени от бессилия и горя, зарыдав в голос:

— Ваше Величество! — запричитала она. — Помогите! Доченька моя, кровиночка, единственная... Нету её, нету... Пятый день уже!

— Встаньте, — Вира подхватила её, заглянула в глаза. — Встаньте, Матрёна. Я вам помогу. — Она повернулась к Агафье: — Агафья, принеси воды и корень валерьяны. Женщине надо немного успокоиться.

Спустя некоторое время всхлипы прекратились, и Матрёна сидела, прижав к груди кружку с чаем, приготовленным лично императрицей.

— Расскажите всё, — мягко попросила Вира, садясь напротив неё на лавку. — Кто она была? Что делала? Были ли у неё враги?

— Враги? — та снова всхлинула, но крепко сжала руки в коленях, сдерживая слёзы. — Да какие у неё могли быть враги? Душа-человек была. Тихая, кроткая, никому и слова поперёк не сказала. Когда дар в ней проснулся — она первая испугалась, от людей пряталась. Но Агафья пригляделась, взяла её в руки, обучила — и тогда Матрёна словно расцвела. Лечила каждого, кто стучался в дверь. И платы никогда не брала — только если травкой какой поделаться или хлебушком. Её во всей округе знали. Любили. Все любили.

— Она умела защищаться? — Вира посмотрела на Агафью.

— Училась, — старуха вступила в разговор, присаживаясь рядом. — Способная была, очень. Я ей говорила — не спеши, всему своё время. А она молодая, сами понимаете, горячая. Всё хотела скорее научиться, чтобы людям помогать. Целительский дар у неё — редчайший. Такие на дороге не валяются. А боевое искусство, конечно, давалось с трудом. Пацифистка. Она даже муху не могла прибить.

— Пятый день, — прошептала Матрёна. — Она ушла утром за травой, сказала — к вечеру вернусь. И не вернулась. Я ждала, ждала, потом к Агафье побежала. Искали всем селом — нет нигде.

Вира слушала, и внутри нарастала холодная ярость. Чистая, светлая девочка с даром целительства. Никому не сделавшая зла. Исчезла, а может, уже и сгинула. Кто мог такое совершить? От ярости она стиснула зубы так, что заныли челюсти.

— Мы найдём её, — сказала она твёрдо, глядя в глаза Матрёне. — Обещаю.

Матрёна снова разрыдалась, повисла на шее у Агафьи. Вира отвернулась, чтобы не видеть этого горя. Сердце предательски ёкало и болезненно отзывалось в груди, словно пыталось сломать рёбра. Эмпатия сводила с ума. Она пообещала то, чего, возможно, не сможет выполнить. Но отчаявшейся женщине нужна надежда, а ей — стимул работать яростнее, искать девочку и ответы на вопросы.

Амарок стоял рядом, молчаливый и напряжённый.

— Что думаешь? — спросила она мысленно.

— Думаю, что это только начало, — ответил волк, и голос его был мрачным. — И что нам понадобится помощь. Много помощи.

— От кого?

— От того, кто знает эти знаки. От ведьм из других земель. От всех, кто может быть нам полезен. Это не просто похищение, Вира. Это что-то большее.

Вира кивнула, глядя на лес, где таилась пещера со странными символами. Где-то там, возможно, была Дарья. Живая или мёртвая — предстояло узнать. Зря она не наслаждалась спокойной жизнью. А может, и предчувствовала беду, как любая ведьма, но теперь деваться некуда. Надо спасать сестру и народ. Никто не знает, кто следующий.

— Идём, — сказала она, поднимаясь. — Надо рассказать Луке.

Глава IV. Тени прошлого

Вира вернулась во дворец, когда багровый солнечный диск уже клонился к закату. Оно размазывало длинные, зловещие тени по мостовым, превращая знакомые улицы в декорации для страшной сказки.

Город встречал её привычным многоголосьем. Где-то хрипло и напористо торговались купцы, их голоса сплетались в грубую, но жизнеутверждающую песню. Где-то перекликались дети — звонко и беззаботно, словно не ведая, что где-то рядом, в тени леса, таится нечто зловещее. Из распахнутых окон доносились пряные, тягучие запахи готовящегося ужина: жареное мясо, свежий хлеб, травы — будто сама жизнь пыталась заглушить предчувствие беды. Обычная, мирная суета. И оттого ещё более обманчивая, как тишина перед тем, как небо расколется гром.

Амарок растворился в тенях у ворот — лишь на мгновение блеснули его глаза, холодные и острые, как осколки льда, в которых отразился последний луч уходящего дня. Он коротко кивнул: «Я рядом. Зови — приду». И исчез, будто его и не было, слившись с сумерками, став их частью.

Вира вошла в пустынный коридор. Внезапный холод пробежал по спине — не сквозняк, а что-то иное, давно знакомое, но оттого не менее тревожное. Она замерла, чувствуя, как сердце сжимается. Ноги сами понесли её в малую столовую — место, где ещё вчера было так спокойно. Теперь там царила пустота: потушенные свечи, застывшие лужицы воска, холодный воздух, пропитанный гарью и чем-то неуловимо чужим, колючим. Всё напоминало о прошлом вечере: о его руках, о его поцелуях, о той иллюзии безопасности, что теперь казалась далёким, почти нереальным сном.

— Ваше Величество?

Она обернулась. В дверях стоял Варфоломей — усталый, сгорбленный под тяжестью лет и забот, с папкой бумаг под мышкой. Но на лице его сияла неизменная добрая улыбка, которая сейчас, в этом сумраке, казалась неестественно яркой, почти фальшивой.

— Варфоломей... — Вира выдохнула, и голос дрогнул, будто прорвав плотину, за которой скопилось слишком много невысказанного. — Где Лука? — Она старалась, чтобы вопрос прозвучал твёрдо, но вышло скорее умоляюще.

Варфоломей склонил голову, внимательно вглядываясь в её лицо. Он словно читал между строк, пытаясь уловить то, что она тщательно прятала.

— В кабинете. Работает, — ответил он спокойно, но в глазах мелькнула искра понимания. — Вы выглядите так, будто встретили призрака. С вами всё в порядке?

Она помедлила. Стоило ли говорить? Но старый инквизитор давно стал ей не просто советником, а чем-то большим — опорой, защитой, голосом мудрости, пробивающимся сквозь хаос. Он был тем, кто видел её настоящую, без масок.

— Я кое-что нашла, — сказала Вира, и каждое слово давалось с трудом, будто их вытаскивали из горла крючьями. — И мне нужно поговорить с ним. Срочно! — К горлу подкатил вязкий, тяжёлый ком, но она не подала виду, лишь крепче сжала пальцы в кулак, чтобы скрыть дрожь. Она направилась по коридору — неспешно, но каждый шаг отдавался эхом в пустой тишине, как удары колокола.

— Варфоломей, ты тоже к нему? — бросила она через плечо.

— Да, документы по реформам. Новые проекты, как говорят современники, — Варфоломей поравнялся с ней, пошёл рядом, слегка прихрамывая. Каждый шаг давался ему с усилием, но он не жаловался — никогда. — Вы как? Слышал, гости из Бретенска завтра будут?

— Завтра, — Вира улыбнулась, но улыбка вышла вымученной, словно натянутая ткань, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. — Я так соскучилась по ним. По Захару, по Ульяне, по Ладому...

— И я рад, — старик помолчал, и в его голосе вдруг прозвучала странная, скрытая нотка. — Хорошо, что они приедут. Императору нужна поддержка. Сейчас как никогда.

Вира бросила на него быстрый, острый взгляд. Слова звучали спокойно, но в них таилась тяжесть, которую она не могла разгадать. Варфоломей воспринимал Луку почти как сына — и это её слегка настораживало. Будто между ними существовала тайна, связь, недоступная для неё.

— Варфоломей, — спросила она, замедляя шаг, — ты давно с ним работаешь. Расскажи, как Лука тебя к себе приблизил? Я знаю, что доверяет, но... почему? Мы договорились: я не вникаю в его дела, пока не буду готова. Но сейчас...

Старик усмехнулся, покачал головой. В этом движении было что-то одновременно мудрое и лукавое — как у старого кота, который знает все тайны дома.

— А вы и правда не знаете? — Он остановился у дверей кабинета и устремил взгляд на витраж. Цветные стёкла ловили последние лучи заката, переливались, как драгоценные камни, играли с тенями, создавая причудливые узоры. В их игре было что-то мистическое, тревожное — словно они пытались передать тайное послание из другого мира.

— Я знаю только, что он тебя ценит. А что было в начале... — Вира пожала плечами. — Мне он не рассказывал.

— Всё просто, — наконец произнёс Варфоломей, не отрывая взгляда от витража. — Он увидел во мне то, что другие не замечали. Стойкость. Умение видеть суть за фасадом. Я не искал его расположения — он сам дал его. Как-то так вышло.

В его голосе не было гордости — лишь тихая, спокойная уверенность, от которой у Виры сжалось сердце. Она вдруг поняла: между ними не просто служебная связь, а нечто глубже — взаимное доверие, выстраданное годами.

— Это было в первые месяцы его правления, — начал Варфоломей, и голос его стал глуше, словно он возвращался в те тёмные, безнадёжные дни. — Самое тяжёлое время. Империя только начинала отходить от ужасов прошлого, но многие не верили новому императору. Старые инквизиторские семьи роптали, как ядовитые змеи в траве. Церковь давила — требовала вернуть старые порядки. А народ, измученный и запуганный, боялся перемен, как дикий зверь боится огня. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — И тут случился голод.

— Голод? — Вира нахмурилась. — Почему Лука мне ничего не говорил?

— А зачем? — Варфоломей криво усмехнулся. — Чтобы вы тревожились? Чтобы вы видели, как он мечется в поисках выхода? Он бережёт вас, Ваше Величество. Возможно, слишком сильно.

— Но я хочу знать! — вырвалось у неё с горечью. — Я же не хрустальная ваза, чтобы меня оберегать от каждой царапины!

— Он знает. Но по-другому не умеет, — Варфоломей вздохнул. — В северных провинциях погиб почти весь урожай. Овощные, плодовые, зерновые — всё почернело и сгнило за одну ночь. Люди умирали тысячами, их тела лежали вдоль дорог, как брошенные куклы. Нужно было открыть государственные хранилища и раздать хлеб. Но если раздать — к весне сами останемся без запасов, превратимся в нищих, хуже тех, кому пытались помочь. Если не раздать — люди взбунтуются, и все реформы сгорят, как сухие ветки в костре. Империя рухнет.

Вира слушала, затаив дыхание. Мир вокруг поблёк, остались лишь острые, колючие детали этой страшной истории. Она знала, что в начале правления Луке было тяжело, но не представляла, насколько всё было безвыходно. Насколько близко они стояли у пропасти.

«Боги, какая же я эгоистка... — Мысли вихрем пронеслись в голове. Я никогда не задумывалась, какой ценой давались эти решения. Какое бремя он нёс в одиночку. А я жила в своём уютном мире, не замечая, что за моей спиной рушится всё, что он строил».

Глаза защипало от слёз. В горле встал горький ком — такой, что даже дышать стало трудно. Она вдруг осознала, как мало знала о той настоящей жизни, которую он вёл, пока она наслаждалась спокойствием. Он улыбался ей, целовал, прижимал к себе каждую ночь — и никогда не жаловался. Никогда. Он оберегал её от правды, как ребёнка.

Она опустила взгляд, чувствуя, как стыд и раскаяние смешиваются в душе, образуя тяжёлый, вязкий осадок.

— Лука собрал совет, — продолжал Варфоломей, и голос его дрогнул, будто слова царапали горло. — Все говорили одно: нужно экономить, нужно держать запасы, народ перебьётся. Император молодой — пусть учится жёсткости. Их голоса звенели в зале, как ледяные иглы, пронзая тишину. Никто не хотел брать ответственность. Никто, кроме одного человека.

Он замолчал, и на его лицо легла тень.

— А я сидел в конце стола, — продолжил он. — Самый старый, самый ненужный. Меня уже списали, как старую мебель. И вдруг я поймал себя на мысли, что смотрю на Луку и вижу свою дочь.

— Твою дочь? — Вира нахмурилась, чувствуя недоброе предчувствие.

Варфоломей долго молчал, глядя в витраж. Наконец, произнёс — почти шёпотом:

— Она была ведьмой.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как предвестие беды.

— Я отдал её инквизиции, — голос старика дрогнул, превратившись в хрип. — Смотрел, как она горит на костре, и думал, что поступаю правильно. Что так велит долг, что так угодно богам. Но потом понял, что ошибся. Это была не служба. Это была трусость. Я испугался за себя, за свою репутацию, за свою шкуру. И предал единственного человека, который должен был быть мне дороже всего. На всю жизнь запомнил эту ошибку.

Он глубоко вздохнул, и плечи его поникли, будто под грузом веков.

— И вот смотрю на Луку и думаю: если он сейчас ошибётся, если примет решение, за которое потом будет себя проклинать — он не простит себе этого. Никогда. Такой, как он, — он будет носить эту вину до самой смерти. И я не мог позволить ему повторить мой путь.

В кабинете стало вдруг так тихо, что Вира услышала, как где-то за стенами дворца скрипит старая балка под напором ветра. Воздух сгустился, пропитавшись горечью и отчаянием.

— И что ты сделал? — спросила она, почти не надеясь услышать ответ.

— Я встал, — сказал Варфоломей, и в голосе его вдруг прорезалась сталь. — Я сказал: откройте хранилища. Раздайте хлеб. А если кто-то взбунтуется — я лично выйду к народу и скажу им правду. Я пойду первым. — Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Меня называли сумасшедшим стариком. Но Лука... он посмотрел на меня так, будто впервые увидел. И сказал: «Делайте, как сказал Варфоломей. Я беру ответственность на себя».

Тишина стала ещё глубже. Вира чувствовала, как в груди разрастается тяжёлый ком — смесь жалости, стыда и непонимания. Теперь всё вставало на свои места: и его строгость, и его молчаливая решимость, и та невидимая стена, которую он возводил между собой и миром.

— Он спас тогда тысячи жизней, — закончил Варфоломей. — А я... Я просто искупил одну свою ошибку. Может быть, не до конца. Но хотя бы попытался.

Они стояли молча, и каждый думал о своём. Вира больше не хотела расспрашивать о дочери — ведьма всегда видела руки инквизиторов в пурпурных и багряных переливах, но мысль о том, что кто-то может уничтожить собственного ребёнка, была настолько дикой и страшной, что она предпочла оставить эти образы в покое, не давая им прорасти в душе.

Наконец, Варфоломей толкнул дверь кабинета, пропуская её вперёд.

— Идёмте, Ваше Величество. Он ждёт.

Лука сидел за столом, заваленным бумагами, — вид у него был такой, будто он не вставал с места весь день. Тёмные круги под глазами лежали тяжёлыми тенями, словно следы бессонных ночей. Взлохмаченные волосы упрямо торчали в разные стороны, словно сопротивлялись любым попыткам привести их в порядок. Рубаха с закатанными рукавами обнажала напряжённые, жилистые руки — видно было, что он работал без передышки, вгрызаясь в проблемы, как в камень.

При виде Виры он поднял голову, и усталость на его лице на мгновение сменилась облегчением.

— Ты вернулась, — голос его звучал хрипло. — Я уже начал волноваться.

— Волноваться? — она подошла ближе, коснулась его плеча. — У меня всё хорошо.

— Я знаю. Но Амарока нигде не было, а ты ушла до обеда. Даже не предупредила. — В его словах не было упрёка — только глубокая, выстраданная тревога. — Я думал, что-то случилось.

— Зоны глухие в лесу, — Вира отмахнулась, но тут же посерьёзнела. — Лука, я кое-что нашла. И боюсь, тебе не понравится...

Он нахмурился, встал из-за стола, взял её за руки. Ладони его были тёплыми, несмотря на холод в комнате.

— Рассказывай. Всё.

Она рассказала. О пещере, о странных знаках, об останках магических существ. О семье Дарьи, о её даре целительства, о том, что девочка исчезла, словно растворилась в воздухе. Лука слушал молча, не перебивая. С каждым её словом лицо его становилось всё мрачнее — как небо перед грозой. Жилы на виске пульсировали, он сжимал край стола так, что костяшки побелели.

— Знаки ты зарисовала? — наконец спросил он, и голос его звучал глухо, словно из-под земли.

— Да. Вот, — Вира достала из кармана сложенный лист бумаги. На нём углём были набросаны линии — неровные, торопливые, но передающие суть увиденного.

Лука развернул лист, поднёс к свету свечи. Его пальцы замерли над рисунком, взгляд стал острым, пронзительным — таким, каким она его ещё не видела. Он долго водил пальцем по линиям, будто пытаясь прочесть тайное послание между ними.

— Это не наши символы, — произнёс он наконец. — И на руны не похоже. Но что-то в них есть... знакомое. Словно я где-то видел нечто подобное.

В кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина. Свеча мерцала, отбрасывая пляшущие тени на стены, и Вира вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок — будто сама тьма прислушивалась к их разговору.

— Где? — Вырвалось у неё почти шёпотом.

Лука наклонился ближе, и в глазах его вспыхнул холодный, острый огонь сосредоточенности.

— В старых отчётах инквизиции. Про нападения на магических существ. Там иногда упоминались странные символы на местах преступлений. Тогда думали, что это темные ведьмы балуются, размахивают своими проклятыми знаками ради устрашения.

— А теперь? — Вира подалась вперёд, чувствуя, как внутри всё сжимается от предчувствия.

— А теперь... — Лука замолчал, и пауза повисла между ними тяжёлая, как грозовая туча. Он откинулся на стуле, взгляд устремился в невидимую даль, словно он видел там нечто ужасное, но неизбежное. — Теперь я думаю, что это может быть Чернобог.

Вира вздрогнула так сильно, что свеча дрогнула. Имя, произнесённое шёпотом, пропитало комнату зловещей сыростью, будто стены покрылись инеем.

— Чернобог? Но он же заперт в Нави! Велес и Ягунья следят за ним, держат в цепях...

— Следят, — согласился Лука, и в его голосе прозвучала горькая усмешка. — Но у него могут быть слуги в нашем мире. Те, кто выполняет его волю, шепчет его приказы, прокладывает дорогу его тьме. Кто ещё охотится на магических существ, если не он? Кто ещё способен на такую жестокость?

Вира замерла, пытаясь осмыслить сказанное. Воздух в кабинете стал вязким, тяжёлым — будто перед грозой. Страх, холодный и липкий, полз по спине, сжимал горло.

— Логично, — медленно произнесла она. — Но почему именно сейчас? Почему после долгого затишья?

Лука откинул со лба прядь волос, на лице отразилась мука — словно он уже знал ответ, но боялся его произнести.

— Может быть, потому что мы стали сильнее. Магия вышла из тени, задышала полной грудью. Империя встаёт на ноги. Ему это не нравится. Он чувствует угрозу, чувствует, как мир ускользает из-под его власти. И теперь он бьётся, как зверь в углу — отчаянно, не щадя никого на своём пути.

В комнате стало так тихо, что Вира услышала, как где-то в стенах дворца скрипит старая балка. Свеча дрогнула, и ей показалось, что среди теней на стенах мелькают чьи-то призрачные фигуры — безликие, жуткие, жаждущие крови.

Она сжала кулаки, пытаясь унять дрожь, и посмотрела на Луку. В его взгляде было нечто, отчего сердце сжалось — твёрдость, смешанная с тревогой, решимость, граничащая с отчаянием.

— Значит, мы должны быть готовы, — сказала она, и голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Мы должны найти ответы раньше, чем он нанесёт новый удар.

Лука кивнул. В этом кивке было больше обречённости, чем уверенности.

— Да. Раньше, чем станет слишком поздно.

Она задумалась. В словах Луки был смысл. Чернобог всегда ненавидел равновесие, которое они установили. Реформы, новая жизнь для магических существ — это было плевок в его тёмную душу.

— Что нам делать? — спросила она.

— Для начала не паниковать, — ответил он. — У нас есть пещера, знаки, пропавшая девочка. Этого мало для войны. Но достаточно, чтобы начать искать.

— Искать?

— Свяжись с Ягуньей, — предложил Лука. — Она знает Чернобога лучше всех. Если это его почерк — она подтвердит. Если нет... Будем думать дальше.

Вира кивнула. Это был разумный план. Яга не раз доказывала: она могла подсказать, направить, найти решение даже в самой запутанной загадке.

В этот миг дверь распахнулась без стука — резко, порывисто, будто сама судьба торопилась вмешаться. В кабинет влетел Варфоломей: запыхавшийся, с лихорадочным блеском в глазах, где смешались тревога и радость. Он швырнул документы на стол — они рассыпались веером, как ненужные бумаги перед лицом внезапной вести.

— Ваше Величество! — выпалил он, едва переводя дух. — Там... гости из Бретенска! Только что въехали в ворота!

Лука замер, будто на мгновение потерял равновесие. Взгляд стал острым, внимательным — словно он пытался разглядеть за этой новостью нечто большее, скрытое между строк.

— Захар? — встрепенулась Вира, сердце забилося чаще.

— И княгиня Ульяна! — кивнул Варфоломей. — И Ладомир с семьёй! Все!

В кабинете стало светлее — не от солнечных лучей, а от внезапной надежды, вспыхнувшей искрой в темноте. Вира почувствовала, как напряжение отпускает плечи, а в груди зарождается тепло: теперь у них есть союзники.

Лука медленно выпрямился, и в его взгляде мелькнуло облегчение — то самое, которое приходит, когда понимаешь, что судьба не отвернулась окончательно.

— Значит, время пришло, — произнёс он тихо, но твёрдо. — Теперь мы будем сильнее.

Вира улыбнулась — не широко, скорее едва заметно. Но в этой улыбке было всё: надежда, готовность идти вперёд, несмотря ни на что, и та тихая, упрямая вера, что даже в самой крошечной тьме найдётся лучик света.

Сердце подпрыгнуло в горле — радость, надежда и временное облегчение смешались в один тугой, обжигающий ком. Тревога о пещере отступила на второй план, словно отпрянула в тень, уступая место живому, жизнеутверждающему чувству.

— Раньше на день, — сказала Вира, глядя на Луку настойчиво. — Пока ничего не говорим им, хорошо? Пусть сначала отдохнут, привыкнут. Всему своё время.

Лука провёл пальцами по виску — медленно, будто снимая невидимую тяжесть. И кивнул.

— Ты права, — произнёс он, и в голосе прозвучала та усталость, что не отменяет силы.

— Идём, — Вира потянула его за руку — резко, порывисто, как будто боялась упустить этот миг. — Идём встречать!

Он улыбнулся — впервые за этот долгий, тяжёлый день. Улыбка вышла усталой, но тёплой, как отблеск угасающего костра.

— Идём.

Двор гудел, как растревоженный улей. Слуги суетились, конюхи покрикивали на лошадей, кто-то тащил сундуки и корзины. Воздух был наполнен громкими голосами, звоном подков, смехом и детским визгом.

А посреди всего этого хаоса стояли долгожданные гости.

Захар — возмужавший, загорелый, с вечной хитринкой в глазах — стоял чуть поодаль, опершись на перила, и смотрел на суету с лёгкой, снисходительной улыбкой. Рядом — Ульяна. Рыжие волосы выбивались из-под платка, на щеках яркий румянец, в глазах столько счастья, что на неё было приятно смотреть. Она расцвела, стала мягче, женственнее. Даже походка изменилась — плавная, неторопливая, словно она несла в себе что-то очень важное и берегла это.

Обычно вечно суетливый и озабоченный, Ладомир сегодня выглядел непривычно радостным и умиротворённым. Рядом с ним, держась уверенно и без былой тени робости, ступала черноволосая красавица Агния.

А рядом с ними, почти вприпрыжку, двигалась Злата. Спасённая когда-то из тьмы, она уже ничем не отличалась от обычных детей, кроме своей трогательной, искренней непосредственности. Её тугая белая коса мерно покачивалась в такт шагам, нежное платье развивалось на лёгком ветру, а в руках она сжимала потёртую книгу в зелёном переплёте — с ней, казалось, она не расставалась ни на миг.

Злата то и дело останавливалась, с любопытством оглядываясь по сторонам. Глаза её — вдумчивые, серьёзные, но с пляшущими искорками восторга — разглядывали всё: резные перила, цветы на клумбе, позолоченную статуэтку. Она то ускоряла шаг, чтобы не отстать от взрослых, то вдруг замирала, склоняла голову набок и долго рассматривала что-то особенно интересное, будто пыталась разгадать тайный смысл. Потом делала шаг вперёд, слегка спотыкаясь на неровной брусчатке, и поправляла книгу, чтобы та не выпала.

Вокруг царил шум — а она словно существовала в собственном маленьком мире, полном открытий и чудес.

Злата заметно выросла, поправилась и разругманилась. В синих глазах больше не было той пугающей пустоты, которая когда-то казалась бездонной. Завидев Виру, она расплылась в широкой улыбке, чуть не подпрыгнула на месте, но тут же выпрямилась, прикусила губу — видно, вспомнила, что «в княжеской семье так себя не ведут». Однако желание бежать и

кричать было таким сильным, что оно читалось в её глазах: в них плясали смешинки, а пальцы невольно сжимались в кулачки от нетерпения.

Вира подошла ближе, обняла её первой, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза.

— Златочка, — прошептала она, прижимая девочку к себе. — Какая ты стала большая!

— Я много занимаюсь, хорошо ем, — важно сообщила Злата, чуть приподняв подбородок. — Агния вкусно готовит! А ты мне гостинцы припасла? А где библиотека? — Она отстранилась, хитро прищурилась и добавила с лукавой улыбкой:

— Шучу же! Я просто хотела тебя обмануть!

Она звонко рассмеялась, и её смех разбудил эхо во дворе.

Все рассмеялись. Даже Амарок, бесшумно появившийся из тени у ворот, одобрительно фыркнул — в этом слышалось что-то вроде «ну вот, наконец-то веселье».

— Припасла, — пообещала Вира. — И где библиотека — покажу. Там такие книги, что ты ахнешь.

— Ой! — Злата захлопала в ладоши, но тут же снова приняла серьёзный вид. — Я буду ждать! И читать! Всё!

Захар подошёл ближе, хлопнул Луку по плечу, крепко обнял его, а потом, усмехнувшись, повернулся к Вире.

— Ну, здравствуй, императрица, — сказал он с той же вечной хитринкой. — Не зазналась? Не загордилась?

— Пытаюсь, — улыбнулась она. — Но ты мне мешаешь. Ты и твой вечный юмор.

— Значит, я на правильном пути, — хмыкнул Захар.

Ульяна подошла, обняла Виру, и на ухо тихо зашептала:

— Как ты? Мы так волновались. Захар говорил — письмо какое-то странное пришло, я места не находила...

— Потом расскажу, — так же тихо ответила Вира. — Там у нас... проблемы. Но не сейчас, Ульяна, прошу тебя. Сейчас — только радость. Я хочу встретить вас в атмосфере покоя. Мы потом всё обсудим. Вместе.

Ульяна понимающе кивнула, её взгляд был тёплым и внимательным. Она уже знала: за этой внешней безмятежностью скрываются тревоги, но умела ждать.

— Идёмте в зал, — скомандовал Лука, и в его голосе зазвучала та мягкая, но твёрдая забота, которая сразу настраивала всех на нужный лад. — За столом поговорим. Вы с дороги, устали, проголодались.

— Я всегда голодный, — подал голос Амарок, выступив из тени. Его глаза блеснули озорным огоньком, а уши дрогнули в предвкушении.

— Тебя это вообще не касается, — отрезал Лука, но в его тоне не было злобы — скорее добродушная насмешка. — Ты фетч-волк, у тебя режим питания особый. И вообще, ты должен охранять, а не есть.

— Дискриминация! — проворчал Амарок, но довольно прищурился. Он принюхался к воздуху, ловя запах готовящейся еды, и тихо фыркнул: — Но я всё равно приду. Хотя бы посмотреть.

— У тебя глаза на пять блюд вперёд, — усмехнулся Ладомир. — Мог бы хоть притвориться, что не интересуешься.

— А зачем притворяться? — удивился Амарок. — Интересоваться — это моя работа.

Все засмеялись. Напряжение, висевшее в воздухе, начало рассеиваться, уступая место теплу и уюту.

Процессия двинулась к замку: впереди — Злата, вцепившаяся в руку Виры, и без умолку трещащая о путешествии. Она то останавливалась, чтобы подчеркнуть важный момент, то начинала жестикулировать, чуть не выронив книгу.

— Там такие дельфины были! — восклицала она. — Они выпрыгивали из воды и крутились! А один даже подплыл к кораблю и смотрел на меня! Вот так! — она вытаращила глаза, изображая дельфина. — Мы плыли на огромном корабле с белыми парусами! И ветер дул! И пахло солью!

— Ты не укачалась? — улыбнулась Вира.

— Ни капельки! — гордо объявила Злата. — Я — морской волк!

— Морской волчонок, — поправил Захар.

— Это одно и то же! — важно заявила девочка.

Позади них, храня торжественное молчание, шли взрослые — утомлённые, но преобразённые радостью этой встречи. Их взгляды, то и дело скользившие друг по другу, были красноречивее любых слов: они говорили о том, что час разлуки миновал и теперь главное — быть рядом.

А над Промоком меж тем сгущались сумерки, переходя в ночь — бархатную, прохладную, искрящуюся россыпью звёзд. Ночь, полная обещаний: она принесёт с собой неспешные беседы у огня, объятия, в которых нет нужды в словах, и, возможно, ответы на вопросы.

Глава V. Пир перед бурей

В малом зале, специально подготовленном для такого торжества, яблоку негде было упасть — гости заполнили каждый уголок, и воздух дрожал от гула голосов, перемешанного со смехом и звоном посуды. Столы ломились от яств: повара Промока в этот раз превзошли самих себя, словно соревнуясь с бретенскими мастерами в изысканности. Запечённые поросята с хрустящей янтарной корочкой источали умопомрачительный аромат. Лебеди, фаршированные фруктами, гордо возвышались на блюдах — настоящие произведения искусства. Горы блинов с икрой и сметаной таяли во рту, пироги с мясом и грибами так и просились в руки, рыба в золотистом кляре хрустела на зубах. Всего не перечесать: глаза разбегались от этого съедобного великолепия. Напитки лились рекой: хмельной мёд искрился в кубках, вина из бывших императорских погребов Константина переливались рубином и янтарём, травяные настойки дурманили ароматами лугов и лесов. Ульяна одобритительно пригубила одну из них — сделала глоток, прикрыла глаза и тихо выдохнула, словно в этот миг весь мир стал чуточку теплее и добрее. Но князь мгновенно нахмурился, рыкнув так, что соседи обернулись:

— Ты беременная! Убери бокал, живо!

— Я всего чуть-чуть пригубила! — надулась рыжая ведьма, сверкнув глазами. — От чая уже тошнит, между прочим! У вас вообще морс есть? Или мне самой сварить?

— Есть-есть, — усмехнулся Лука, махнув слуге. — Не кипятись, вредно для малыша.

Гости шумели, хохотали, тосты звучали один за другим, и каждый миг казался частью большого, светлого праздника, который хотелось растянуть навечно. Захар восседал по правую руку от Луки и с волчьим аппетитом наворачивал жаркое, умудряясь при этом оживлённо жестикулировать вилкой, будто дирижировал невидимым оркестром:

— ...А он мне говорит: «Захар, ты бы хоть раз в жизни по плану пошёл!» А я ему: «План — это для тех, у кого нет чутья!» И что вы думаете? На следующий день он сам ко мне прибежал с этим планом, потому что без меня у него всё через одно место пошло!

Ульяна рядом с ним то и дело поглаживала округлившийся живот и поглядывала на мужа с такой материнской нежностью, что даже выдавшие виды придворные отводили глаза — слишком личное и сокровенное, чтобы оставаться равнодушным.

Ладомир и Агния сидели чуть поодаль, но тоже не скучали. Ладомир то и дело подливал возлюбленной вина, наклоняясь к самому уху:

— Ещё глоточек, красавица? Оно редкое, из южных провинций, тебе понравится.

— Ой, да что ты меня поишь, как на убой! — краснела Агния, отмахиваясь, но послушно отпивала мелкими глотками, явно наслаждаясь и вниманием, и терпким вкусом.

Рядом с ними, держа спину прямой, как струна, восседала Злата. Девочка была при полном параде — в новом мятном платье с кружевным воротником и белоснежной лентой в светлых волосах. Она изо всех сил старалась вести себя по-взрослому, но то и дело забывала, когда брать нож, а когда вилку, и норовила схватить пирог рукой. Ладомир, посмеиваясь, делал вид, что не замечает её промахов, лишь иногда бросал на неё тёплый, снисходительный взгляд, от которого девочка ещё больше смущалась и краснела до ушей.

Амарок развалился у камина, наблюдая за этим балаганом с философским спокойствием старого мудреца. Слуги давно привыкли, что императорский волк имеет право на отдельную тарелку с лучшими кусками мяса, и то и дело подносили ему угощение. Он лениво шевелил ушами, когда кто-то подходил слишком близко, но в целом оставался невозмутимым, будто знал какой-то великий секрет, недоступный остальным смертным.

— Хорошо сидим, — довольно протянул Захар, откидываясь на спинку стула и похлопывая себя по животу. — Аж не верится, что мы в Промоке. В той самой империи, которая нас всех чуть на углях не зажарила.

— Времена меняются, — усмехнулся Лука, поднимая кубок. — Теперь здесь сжигают только дрова в камине. И то — по праздникам.

— И то хорошо, — хохотнул Захар, хитро прищурившись. — А скажи-ка, император, когда свадьба-то? Заждались уже, аж бороды отрасли!

Лука переглянулся с Вирой. Та сидела рядом с ним, почти не притронувшись к еде, и выглядела отстранённой — будто мысли её витали где-то далеко, за пределами этого шумного зала. Она явно не слышала вопроса.

— Дату ещё не выбрали, — ответил он, с затаённой тревогой поглядывая на невесту. — Дел много. Хотя подготовка идёт полным ходом.

— Дела у него! — фыркнул Захар, грохнув кулаком по столу, но беззлобно. — Ты император или кто? Император может себе позволить расслабиться! Захотел — и свадьба завтра!

— Может, — неожиданно подала голос Вира. Голос прозвучал ровно, но в нём чувствовалась тугая пружина. Она подняла глаза, и в её взгляде мелькнула та самая стальная твёрдость, которую все привыкли видеть в ведьме перед бурей. — Но не сейчас.

Все разом обернулись к ней. Ульяна сразу нахмурилась — она успела изучить Виру досконально, её характер, повадки, эти едва заметные перемены в голосе. Лесная ведьма знала: когда Вира говорит так спокойно, значит, внутри уже бушует ураган.

— Что случилось? — спросила она тихо, подавшись вперёд, и голос её стал мягким, но настойчивым. — Вира, не тяни.

Вира сделала глубокий вдох, собираясь с силами. Пальцы её непроизвольно сжали край скатерти — костяшки побелели. Она отставила кубок, и тот звякнул о дерево громче, чем следовало. Она знала: этот разговор неизбежен. Лучше сейчас, за этим столом, среди своих, чем потом, когда будет слишком поздно.

Лука посмотрел на неё и едва заметно кивнул — давай, рассказывай. Пришло время продолжить то, что они не успели завершить вдвоём.

— Сегодня я нашла в лесу пещеру, — начала она, и голос её, хоть и звучал ровно, дрожал где-то глубоко внутри. — Там были останки. Много останков. Леший, оборотни, ещё кто-то... Все мертвы. И знаки — странные, не наши, вырезанные на стенах. Я таких раньше не видела. А ещё... пропала девочка. Целительница, шестнадцати лет. Ушла за травами и не вернулась.

В зале повисла такая тишина, что стало слышно, как потрескивают дрова в камине. Даже Злата перестала жевать, широко распахнув глаза и внимательно наблюдая, как меняются лица взрослых. Её детское любопытство смешалось с необъяснимым страхом — она ещё не до конца понимала, насколько серьёзная угроза нависла над всеми, но нутром чуяла беду.

— Ты же не думаешь... — Захар мгновенно стал серьёзным, отложил вилку и подался вперёд, в его взгляде появилась та самая жёсткость, которую все знали по боям, — что это Чернобог?

— Похоже на то, — ответил Лука, медленно проведя ладонью по лицу, будто стирая с него усталость и хмель. — Знаки чужие, почерк жестокий, цели — магические существа. Кто ещё способен на такое?

— Он же заперт! — тихо выдохнула Ульяна, и голос её дрогнул. Она невольно прижала ладонь к животу, защищая не только себя. — Велес и Ягунья следят за ним. Силой он не вырвется.

— Значит, нашёл способ действовать через слуг, — пожал плечами Ладомир, и в его голосе прозвучала горькая усмешка. — У него это всегда хорошо получалось. Он мастер чужими руками жар загребать.

Вира поднялась, решительно расправив плечи, и отодвинула полную тарелку — трапеза для неё закончена. В зале стало ещё тише.

— Я должна выяснить, что происходит. Возможно, придётся идти в Навь. — сказала она твёрдо, глядя на всех по очереди. — Если это Чернобог, она подтвердит. Если нет... будем думать дальше.

Лука хотел возразить, уже открыл рот, но Вира подняла руку, останавливая его.

— Нет, — покачала она головой, и в её взгляде не осталось места для споров. — Империя не может остаться без императора. Ты нужен здесь. Не спорь.

— Вира... — Лука сжал кулаки так, что побелели костяшки, но сдержался.

— Лука, — она взяла его за руку, и в этом жесте было столько искренней боли и нежности, что у него сжалось сердце. — Ты нужен здесь. Без тебя всё рухнет — и Промок, и то, что мы строили. А я справлюсь. У меня есть атам, есть знания, и есть опыт. И есть ты — даже на расстоянии.

Он сжал её пальцы в ответ, но в глазах его плескалась тревога — глубокая, невысказанная, почти животная.

— Тогда я могу пойти с тобой! — Ульяна подалась вперёд, её глаза загорелись решимостью, и она уже привстала из-за стола.

— Ты беременна, — мягко, но непреклонно осадил её Вира. — Тебе нельзя в Навь. Это слишком опасно для ребёнка. Ты понимаешь?

Ульяна открыла рот, чтобы возразить, но Захар мгновенно положил руку ей на плечо, притягивая обратно на место:

— Она права, солнце. Ты нужна нам здесь. Живая и здоровая. И ребёнок наш — здесь. Не рискуй.

Ладомир положил кулаки на стол, глубоко вздохнул и, выйдя из раздумий, твёрдо сказал:

— Я могу...

— Нет! — Вира оборвала его резко, но без злобы. — Ты человек. Смертный. В Нави тебе не выжить. Только я и Амарок можем туда войти и выйти живыми. Это не обсуждается.

Амарок поднял голову, его глаза блеснули в полумраке зала янтарным огнём. Он стоял неподвижно, словно взвешивая каждое слово, которое произнесла ведьма.

— Амарок останется здесь, — продолжила Вира, и голос её стал ещё твёрже, почти приказным. — Он покажет вам пещеру. Место, где я нашла останки. Вы должны знать, с чем имеете дело. Если со мной что-то случится...

— Не говори так! — Лука резко встал, опрокинув кубок, и вино разлилось по скатерти тёмным пятном. Голос его дрогнул от напряжения.

— Я должна, — Вира посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде была та самая непоколебимая решимость, которая всегда заставляла других следовать за ней, даже когда страх сковывал их по рукам и ногам. — Мы должны быть готовы ко всему. Даже к худшему.

В зале снова повисла тяжёлая, вязкая тишина. Захар скрестил руки на груди, обдумывая слова. Ульяна замерла, но кивнула — она понимала, что спорить сейчас бесполезно. Ладомир опустил плечи, признавая правоту ведьмы.

И вдруг Злата вскочила и подбежала к Вире — быстрые, лёгкие шаги, в которых ещё чувствовалась детская непосредственность. Она обхватила ведьму за талию, прижалась всем телом, и голос её дрогнул, превратившись в тихий, умоляющий шёпот:

— Тётя Вира, не уходи... Пожалуйста... Там страшно. Я помню... Я там была... Мне до сих пор снится...

Страх ребёнка был настолько искренним, что у Виры сжалось сердце. Малышка действительно знала, о чём говорит. Она там жила, видела Навь своими глазами, и даже сейчас, когда воспоминания казались смутными, будто размытыми водой, внутри у неё всё сжималось. Тело помнило.

Вира отодвинула стул, посадила девочку на колени и крепко обняла её, глядя по светлым волосам:

— Златочка, я пока не знаю, пойду или нет, а если пойду, то обязательно вернусь. Обещаю тебе, слышишь? А ты пока пригляди за дядей Лукой, ладно? А то он без меня совсем заскучает и, чего доброго, императорство бросит.

Злата шмыгнула носом, слёзы блеснули в её глазах, но она кивнула — решительно, повзрослому, и даже улыбнулась сквозь влагу.

Взрослые переглянулись. Тоска и тревога повисли в воздухе, перебивая даже запах праздничных яств. Настроение переменилось — это ощущалось дрожанием воздуха, как перед грозой, когда небо темнеет за считанные мгновения. Ужин закончился, спокойствие и непринуждённость тоже.

— Раз такое дело... — Захар нарушил тягостную тишину, и его голос прозвучал твёрдо, будто он уже принял решение. — Если это правда, то о чём мы думаем? Нам нужны силы. И время. Мы не можем действовать вслепую, наскоком.

— Мне жаль, что ваш приезд омрачён такой новостью, — Вира выдохнула, и в её взгляде мелькнула тень искреннего сожаления. — Я бы правда хотела, чтобы всё хоть раз прошло иначе. Без тревог. Просто праздник.

— Да прекрати ты! — перебила её Ульяна, шагнув ближе и положив тёплую руку на плечо Виры. В этом жесте было столько поддержки, что напряжение чуть ослабло. — Мы все — одна большая семья, забыла? И когда мы вместе — мы непобедимы! Ты же сама нас учила этому.

Лука молча наблюдал за происходящим, и на его лице отразилась целая буря чувств: тревога, решимость, благодарность и любовь, которая не умещалась в груди. Он сделал шаг вперёд, словно собираясь что-то добавить, но промолчал — слова сейчас были не так важны, как сама готовность стоять плечом к плечу.

— Да, — Вира наконец выдавила улыбку в ответ на искренние слова Ульяны. Она была права: когда они все вместе, они сильнее. Но и уязвимее — ведь они все друг для друга стали слабым местом. Их связь, любовь, доверие — вот что делало их уязвимыми. Ведьма предпочла не озвучивать это, чтобы не омрачать и без того тревожное настроение.

— А сейчас — всем отдыхать, — распорядился по-императорски Лука, и в его голосе зазвучала привычная властность, но сейчас она казалась не жёсткой, а скорее заботливой. — Нам нужно выспаться. Слуги покажут вам ваши покои, вещи уже там. — Он кивнул девушкам, стоявшим у двери, и те быстро подошли, склонив головы. — И прошу: никаких геройств до утра.

Минутой позже друзья пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам. Лука и Вира молча шли по длинным коридорам замка. Шаги отдавались эхом в ночной тишине, и каждый понимал: этой ночью им не уснуть — мысли будут крутиться в голове, как вихрь, не давая покоя.

Зайдя в спальню, Лука быстро скинул с себя праздничную одежду и сразу лёг под синее шёлковое одеяло, уставившись в потолок. Вира последовала его примеру, но накинула лёгкую бежевую сорочку — словно хотела оставить себе хоть каплю тепла даже в этот тревожный час.

Они лежали в постели, тесно прижавшись друг к другу, и в этом тепле было что-то невероятно успокаивающее. За окнами шумел ночной Промок: ветер колыхал шторы, скрипели ветки старого дуба, доносились далёкие городские звуки — лай собак, окрики ночного дозора, редкий стук колёс по мостовой. А здесь, в этом маленьком мирке, где царили только их дыхание и тепло тел, было только двое.

Вира закрыла глаза, но мысли не желали успокаиваться. Она прислушивалась к шуму за окном, к биению собственного сердца и чувствовала, как Лука слегка напрягся рядом — он тоже не мог расслабиться.

— Я очень переживаю за тебя, — признался он тихо, почти шёпотом, глядя её по тёмным, рассыпавшимся по подушке волосам. Голос его дрогнул, и в этом дрожании было столько искренности, что у Виры защемило сердце. — Каждый раз, когда ты уходишь в Навь или куда-

то далеко, я боюсь. Боюсь, что не увижу тебя снова. Боюсь, что с тобой случится беда, а я буду здесь, в безопасности, и ничего не смогу сделать.

— Я знаю, — она прижалась щекой к его груди, слушая ровное биение сердца — словно маяк, указывающий путь в бурю. — Я тоже боюсь. Но это мой долг, ты же знаешь. Не я выбрала — так вышло. И пока не решила, пойду ли я туда или нет. Завтра я раскину руны, посмотрю все прогнозы, и, исходя из этого, будем плясать.

— Твой долг — быть здесь. Со мной, — он сжал её руку чуть сильнее, будто пытался удержать её навсегда. — Рядом. В тепле и безопасности. Лучше бы ты осталась тут с нами.

— Мой долг — защищать тех, кто не может защитить себя сам, — поправила она мягко, и в её голосе зазвучала та самая непоколебимая убеждённость, которую он так ценил. — Ту девочку. Её семью. Всех, кто может стать следующей жертвой. — Она сделала паузу, и теперь в её тоне появилась умоляющая нотка. — Лука, давай не будем... ты же понимаешь — у нас нет другого выхода. Может, это как-то сумасшедший? Но если это Чернобог, каждая минута промедления — чья-то жизнь.

Он молчал, перебирая пряди её волос. Пальцы его дрожали — совсем чуть-чуть, но она чувствовала эту дрожь, как отзвук собственной тревоги. Сердце его то быстро стучало, то, сбиваясь с ритма, замирало на мгновение, и Вира слышала каждый удар — будто он говорил ей всё, что боялся произнести вслух.

— Знаешь, о чём я думаю? — тихо спросил он, и голос его стал ещё тише.

— О чём? — она подняла голову, глядя ему в глаза, и в её взгляде было столько понимания, что ему стало чуть легче.

— О том, что мы слишком мало времени провели вместе, — продолжил он, и в его словах прозвучала тоска, которая не уместилась в словах. — Слишком мало счастья. Всё время — война, потери, разлуки, погони... А когда наступил этот хрупкий покой — оказалось, что он ненастоящий. Будто мы поймали мираж, а реальность снова отнимает у нас то, что мы успели полюбить.

Вира закрыла глаза, чувствуя, как к горлу подступает горячий комок. Она знала, что он прав. Они жили на грани — между битвой и тишиной, между надеждой и страхом. И каждый миг покоя казался им краденым, ненадёжным, как будто его могли отнять в любой момент.

Она подняла голову, посмотрела в его глаза. В полумраке они казались тёмными, бездонными, полными такой любви, что у неё перехватило дыхание. В этом взгляде было всё — и страх, и надежда, и та самая неукротимая вера, держащая её на плаву в самые тёмные времена.

— Мы ещё будем счастливы, — пообещала она, и голос её дрогнул, но тут же обрёл твёрдость. — Когда мы разберёмся в том, что происходит, когда отыщем девочку, когда всё закончится — тогда мы будем счастливы. Я тебе обещаю.

— Обещаешь? — его голос прозвучал тихо, почти неслышно, будто он боялся, что даже слово может разрушить этот хрупкий момент.

— Обещаю, — она прижалась к нему чуть сильнее, и в этом движении было столько доверия и любви, что ему стало чуть легче дышать.

Он поцеловал её. Сначала нежно, почти робко, будто боялся спугнуть — губы едва коснулись её губ, проверяя, не исчезнет ли она, не растает ли туманом, если он будет слишком настойчив. Лука замер на мгновение, словно пытаясь запомнить этот миг, запечатлеть его в самой глубине души — этот вкус, это дыхание, это тепло.

Потом поцелуй стал глубже, жаднее, отчаяннее. Его губы впивались в её, будто он пытался запомнить каждую чётточку, каждый вздох — на случай, если больше никогда не сможет этого сделать. Руки его слегка дрожали, когда он притянул её ближе, вжимаясь в неё всем телом, словно хотел слиться с ней в одно целое, стать неразделимым.

Она отвечала ему тем же — без колебаний, без страха. Пальцы её вплелись в его волосы, ногти слегка царапнули кожу, когда она прижалась к нему ещё крепче. Внутри у неё разгорался огонь — тот самый, что никогда не гас.

— Я люблю тебя, — шептал он, целуя её тонкую шею, изящные плечи, ключицы, спускаясь ниже, будто каждое прикосновение было обещанием, клятвой, которой он собирался следовать до конца своих дней. — Безумно люблю. Ты слышишь?

— Слышу, — прошептала она, изгибаясь ему навстречу, чувствуя, как тянется к нему каждая клетка. — И я. Безумно. Сильнее всего.

Они наслаждались друг другом так, будто это была последняя ночь в их жизни. Медленно и тягуче, смакуя каждое мгновение — каждый вздох, каждое прикосновение, каждую дрожь. Лука был ласков и точен: его движения были бережными, словно он боялся нарушить хрупкую гармонию этого момента, но в них чувствовалась страсть, сдерживаемая с трудом. Вира отвечала ему всем существом — её тело дрожало от наслаждения, и в моменты пикового удовольствия она издавала тихие, сдавленные стоны восторга. Эти звуки словно зажигали в Луке новый огонь: он становился ещё нежнее, ещё настойчивее, касаясь губами каждого сантиметра её тела, исследуя её так, будто перед ним был неизведанный, бесконечно прекрасный мир.

Она отвечала ему взаимно — всем телом, всей душой. Обхватывала его торс ногами, прижимая к себе, стремясь стать с ним единым целым, ощутить каждую частичку его тепла, каждый удар сердца. Лука целовал её, слегка покусывал грудь, а потом, поднимаясь выше по ключице, жадно впивался губами в шею — и от этих прикосновений по телу Виры пробегала волна сладкой дрожи, заставляя выгибаться и сильнее прижиматься к нему.

После экстаза они лежали, крепко обнявшись, переплетённые, как корни старого дерева, слушая, как бьются их сердца в унисон.

— Ты самое дорогое, что у меня есть, — прошептал он в темноту, и голос его дрогнул, но в нём звучала непоколебимая надежда. — Я не смогу жить, если потеряю тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.